

Эльдар

Саттаров

РЕБРО ЖЕСТОКОСТИ

Роман

Финалист
Нацбеста

Эльдар Саттаров

Ребро жестокости

«ЛитРес: Самиздат»

2017

Саттаров Э.

Ребро жестокости / Э. Саттаров — «ЛитРес: Самиздат», 2017

Новый роман от финалиста Нацбеста-2016, автора книги "Теряя наши улицы". В одном из микрорайонов Алма-Аты обнаружен труп молодого мужчины. Полиция выясняет, что убитый въехал в страну по поддельному паспорту, предположительно является гражданином США, в связи с чем к расследованию подключается Джек Морган, агент ФБР. Параллельно этим делом занимается давний знакомый Моргана, местный репортёр криминальной хроники Артур Габидуллин. Морган опознаёт убитого, которого он сам незадолго до этого «вёл» в Мексике. Это Пако Гутьерес, член известной уличной банды, влюблённый в свою кузину, Марию-Хавьеру, жестоко пострадавшую от рук неизвестных в годы феминицида. Основная идея книги – трагедия гражданской войны между организованной преступностью и государством в Мексике обладает универсальным общечеловеческим измерением. "Ребро жестокости" - первый роман из условного цикла "2000+", в котором будет документироваться, в жанре анархо-реализма, жизнь человеческого общества в эпоху антропоморфизации капитала.

Содержание

ПРОЛОГ	6
ПАРЕНИЕ КОНДОРА	12
СТАРЫЙ ДЖИМ ВСПОМИНАЕТ (1)	17
КРЕСТИНЫ В ТИХУАНЕ	24
ВЕСТИ ИЗ МЕХИКАЛИ	27
СТАРЫЙ ДЖИМ ВСПОМИНАЕТ (2)	36
Конец ознакомительного фрагмента.	41

РЕБРО ЖЕСТОКОСТИ

*Роман*¹

"Расчёт простой: фабула, интрига, её техника – общечеловечны".

Лев Луни, «На Запад!»

¹ Роман вдохновлён реальными событиями. Тем не менее, все имена, названия и события беллетризованы, и являются плодом либо творческой фантазии, либо художественного преломления действительности, и не претендуют на достоверность.

ПРОЛОГ

Артур Габидуллин крепко выругался и надавил запястьем ладони на клаксон. Его машина возмущённо взвыла, присоединившись к нестройному хору гудков сзади и из соседних рядов. Подрезавший Артура «частник» на «гольф» с областными номерами виновато моргнул огнями аварийной сигнализации и заблокировал ползущую черепашим шагом вереницу, подрулив к даме, вальяжно голосовавшей из просвета спонтанной парковки. «Скотина», крикнул Артур и переставил рычаг в нейтральное положение. Придётся подождать. Впереди уныло мигал оранжевым светом вышедший из строя светофор. Сотрудник дорожной полиции стойко игнорировал недовольную какофонию хриплых и визгливых клаксонов, повернувшись спиной к перегруженной железным потоком нижней улице. Следуя своей необъяснимой логике, он уже четверть часа пропускал счастливицов, резво несшихся по главному проспекту. Частник спереди, подобрав пассажирку, теперь активно мешал левому ряду, пытаясь прорваться на противоположную сторону, чтобы уйти налево по проспекту, отвоёвывая миллиметры драгоценного пространства, перегораживая путь тем, кто зазевался в пробке. Габидуллин немного продвинулся вперёд, хищно высматривая свободное место у бордюра. Окна редакции напротив уютно излучали прохладное сияние светодиодных ламп. Артуру не терпелось добраться до рабочего места, но он уже двадцать минут нарезал круги по району в поисках парковочного места. По сути, его автомобиль за это время превратился в ползучий «блуждающий объект», замедлявший движение и мешавший ехавшим сзади не меньше, чем настырные таксисты. В час-пик такие поиски превращались в серьёзное испытание для нервов. Окутанная сизым смогом алматинская агломерация росла вширь и вкось, выплёскивалась за края своей естественной впадины, расплзалась по предгорьям и пожирала степные просторы. Ей катастрофически не хватало не только чистого воздуха, но и свободного асфальта. Страдающие хроническими болезнями воздушно-дыхательных путей жители без устали носились на своих «железных конях» по городу во всех направлениях, нудно улаживали свои делишки и с азартом мешали друг другу. Логичная и элегантная в своей простоте прямолинейная сетка нешироких улиц стонала под грузом непосильного бремени. Сужались разделительные лесопосадки, вырубались аллеи, заставлялись внедорожниками прогулочные тротуары и пандусы, предназначенные для детских колясок.

Когда раздался, наконец, долгожданный свисток регулировщика, первым к удивлению Артура снизу вырвался, заставив испуганно отпрянуть бредущую по «зебре» старушку с тросточкой, вездесущий частник, каким-то невероятным образом протиснувшийся на передний фланг очереди. К сожалению, свистнув, полицейский ещё только начинал разворачивать свой грузный корпус параллельно застоявшемуся транспортному потоку, и облезлый «гольф» областника был буквально протаранен летевшим навстречу огромным «эскаладом». Образовавшаяся вслед за визгом тормозов гряда искорёженного металла прямо посреди проспекта, окончательно похоронила шансы нижней колонны поспеть в срок хоть куда-либо. Толпа зевак мгновенно окружила место происшествия, просачиваясь с тротуаров на проезжую часть, между рядов машин – следуя своей извечной привычке, прохожие слетались на запах крови и смерти, подобно стае ворон. Габидуллин уже писал в своё время большую статью о проблемах данного конкретного перекрёстка, но шеф-редактор её «зарезал» из-за положительных отзывов о массовом строительстве развязок на периферии, предпринятого тогда Мэлсом Ибрагимовым, мэром города. Дело в том, что владелец газеты, Ильяс Гудков уже не один десяток лет вёл скрытую войну против Ибрагимова. Никто уже в точности не помнил, какая кошка между ними пробежала, конфликт уходил корнями в далёкое прошлое, чуть ли не в советское время. В тот же номер, кстати, вместо его статьи прошёл материал Даны Сафаровой, проливавший свет на

различные нити, связывающие Ибрагимова с крупнейшим асфальтобетонным заводом области и обыгрывающий семантические оттенки таких слов, как «откат» в свете интенсивного дорожного строительства. И если в отношении любых упоминаний Ибрагимова в редакции действовало негласное табу, то любые материалы с прямой или косвенной критикой его инициатив горячо приветствовались владельцем газеты, получая привилегированное место на разворотах. Ильяс Гудков давно уже проживал в Лондоне, но активно интересовался внутренней политикой. Его газета «Алма-Сити Таймс» в девяностые расходилась миллионными тиражами и приносила в республиканский бюджет больше налогов, чем вся нефтегазовая индустрия страны, в те времена только становившаяся на ноги. Сейчас её тираж значительно сократился, конкуренции стало больше, но газета всё ещё оставалась лакомым куском, который всячески пытались отжать различные воротилы. В частности, в последнее время активизировался промышленник Тиникеев, конкурент Ибрагимова в сфере бизнеса, стремительно набиравший политическое влияние, лишь усиливавшее его и без того солидный экономический вес. Зазвонил мобильный телефон. Это был земляк Артура, работавший в угрозыске Медеуского РОВД.

– Габидуллин, чего хотел?

– Олжас, спасибо, что перезвонил! Мне нужна информация, срочно.

– Слышал, слышал, что ты тёрся на месте преступления в «Коктюбе-2».

– Так в том то и дело, что дружки твои прогнали меня оттуда! И не говорят ничего.

– Габидуллин, ты хоть знаешь, что такое тайна следствия?

– Ну, кому же как не мне знать, Олжас. Но ты же курсанёшь зёму, как там делуха продвигается? Хотя бы насчёт основной версии.

– Ох, Габидуллин, а пайда² мне какая с этого, а? Меня ведь начальство не погладит по головке за слив прессы, если за руку поймает.

– Слушай, Олжас, ты ведь за отборочный матч с Португалией интересовался, помнишь? Мне Саин два билета в ложу прессы обещал. Они твои! Кстати, он говорит, уже подтверждено, что Криштиану Роналду в составе приедет.

– Билеты на Португалию, говоришь. М-м, ну ладно, в общем скину я тебе номерок патологоанатома. Если хочешь, набери. Но вообще-то рабочая версия – сердечный приступ, по любому.

– Неужели никаких следов насильственной смерти?

– Ни-ка-ких. Абсолютно.

– Спасибо, Олжас, я отблагодарю!

– Завези билеты, как заберёшь у Саина, не запарься. И бутылку «Чиваса» сверху.

– Замётано!

Артур закрыл глаза и вспомнил сюрреалистическую сцену во двореке особняка, арендованного торговой миссией СРВ. Он примчался туда, как только получил СМС от местного приятеля из ЧОП «Каганат». Объект входил в число их подведомственных зданий. Дом пустовал, Серёга и Дауль, пацаны из ЧОП, поднятые по тревоге, прибыли сюда первыми, как только сработала сигнализация, свидетельствовавшая о проникновении постороннего лица на охраняемую территорию. Артур успел сфотографировать с разных ракурсов труп этого постороннего, лежавшего на спине, раскидав руки и ноги в разные стороны, на клумбах чайных роз в одном из углов участка возле кустов малины. Это был смуглый, крепко сбитый парень, совсем молодой, сжимавший в правой руке мачете. Его поза свидетельствовала о том, что он был буквально опрокинут навзничь некоей силой и умер на месте. Вскоре, когда прибыла следственная группа из угрозыска, они, ожидаемо, прогнали Артура.

– Габидуллин, опять ты здесь раньше нас, – крикнул ещё издали капитан Айтмуханов. – А ну-ка исчезни с моих глаз долой. Сейчас здесь КНБ появится, мне только тебя здесь не хватало.

² «Пайда» – меркантильная польза (каз.яз.)

– Ухожу, ухожу, – подняв руки в примирительном жесте сказал Артур. – Но вы же дадите потом комментарии для нашей газеты?

– Позже, позже, Габидуллин, приходи на еженедельную прессуху, задавай вопросы как все, там видно будет.

Ждать до пресс-конференции в Медеуском РОВД значило пропустить выпуск очередного номера. За это время конкурирующие издания заполняют досужие домыслы горе-экспертов. Протяжный сигнал сзади заставил Артура открыть глаза. Подоспевшие к перекрёстку сотрудники ГАИ, открыв дополнительный коридор, пытались втроём постепенно высвободить нижнюю улицу. Артур набрал ход и, добравшись до Новой площади сразу увидел свободное место на второй парковке перед бывшим зданием Минсельхоза. Он стремительно вклинился в расчерченный квадрат и, юркнув, с ходу украл это место у токал-джипа³ «РАВ-4», пытавшегося аккуратно заехать на него задним ходом. Совершив этот мастерский маневр, Артур выскочил из машины и направился ко входу в редакцию быстрым шагом, втянув в голову в плечи и игнорируя саркастичные окрики оскорблённой водительницы «РАВа-4», обращённые к «молодому человеку».

В редакции с утра, как обычно была одна Сафарова, усердно набиравшая текст своего очередного опуса на клавиатуре. Услышав звук открывающейся двери и зная, что это приехал Габидуллин, она свернула файл и дождалась пока он пройдёт мимо, к своему столу в углу редакции, выходявшему как раз на злополучный перекрёсток. Они, как водится, не поздоровались. Включив компьютер, Габидуллин подсоединил к нему свой смартфон через USB-вход и открыл галерею фотографий. Ещё находясь там, на месте происшествия, он обратил внимание на экзотичные татуировки жертвы, в частности, на шее. Увеличив изображение, он принялся внимательно их изучать. Похоже было на инициалы готическим шрифтом и латинские цифры. Разобрав надпись, он ввёл её в поисковик и нажал на клавишу ввода. Поиск «В.Р.ХIII» неожиданно вернул такие заманчивые результаты, что Габидуллин невольно потёр руки, чем привлёк внимание Сафаровой, попытавшейся, вытянув шею, разглядеть содержимое данных на его экране. Артур в свою очередь тоже свернул файл и обернулся с укоризненным видом.

Главный редактор, Даша Ким, и её первый заместитель, Герман Бондарев, прибыли, как водится после обеда. Они уже слышали о таинственном инциденте в микрорайоне «Коктубе-2» и вызвали Артура в Дашин офис. Он зашёл к ним с готовым репортажем, распечатанным в двух копиях. Оба погрузились в чтение. Пока они читали Артур терпеливо изучал в очередной раз привычную обстановку Дашиного кабинета. Фарфоровые слонята из Таиланда на столе, блюда из Турции, настенный перекидной календарь с видами Вены и большой плакат с Михаэлем Шумахером во весь рост, облокотившимся на гоночный болид «Феррари».

– Он ведь побеждает только потому, что ему всегда достаются лучшие машины, – как-то раз в шутку заметил Артур.

– Я признаю только тех, кто приходит первым, – спокойно парировала Даша. – Неважно как.

Её флегматичный характер с одной стороны определённо вносил нотки умиротворённости в нервную атмосферу редакции, но с другой стороны мешал ей схватывать новости на лету. Иногда для того, чтобы растолковать ей какую-либо идею, приходилось пускаться в долгие и мучительные объяснения, запасаясь терпением на часы дискуссии. Вот и в этот раз, когда Герман, дочитав статью первым, сказал: «Шикарно!», она подняла на него вопросительный взгляд своих водянистых глаз и потом перевела его на Артура.

³ Токал – «младшая жена» (каз.яз.), любовница. Токал-джип – ироничное название модели RAV-4.

– Здесь говорится, что какая-то банда из Латинской Америки пытается обосноваться в Алматы, чтобы взять под свой контроль всю контрабанду афганского героина в Россию и Европу. Я правильно поняла?

– Не совсем так, Даша, – терпеливо ответил Артур. – Там говорится, что при загадочных обстоятельствах найдено тело участника известной банды и выдвигаются различные версии. Далее приводятся факты их проникновения в Европу и цитируются источники из испанской полиции, которые считают, что банда пытается обосноваться в других частях света в целях отмывания денег, вырученных от её американских операций, и расширения наркоторговли. Учитывая, что привокзальный район Алматы является одной из перевалочных баз регионального наркотрафика, логично предположить...

– Что-то я, видимо, не дошла ещё до фактов проникновения в Европу, что там вкратце?

– Были задокументированные прецеденты в Мадриде, Аликанте и Милане. Участники той же самой банды попались на физических атаках с идентичным почерком. Во всех случаях, они нападали на оппонентов с мачете, в той же манере. Это вызвало негативную общественную реакцию, массовые протесты местного населения, даже беспорядки и забастовки.

– Ну и что же, вы предсказываете у нас, в Алматы, массовые беспорядки? И потом вы говорите, пишете, что тело найдено на территории торговой миссии СРВ, что это за история? Если вы хотите намекнуть на какие-то разборки по наркоторговле, то, боюсь, это пахнет международным скандалом.

Артур пожал плечами:

– Я лишь излагаю факты, которые мне удалось добыть. И добыть с трудом, между прочим. Не думаю, что у кого-нибудь из городских газет всё это есть. Кстати, я созванивался с Ринатом Мусаевым, директором ЧОП «Каганат», они начали собственное расследование.

Вы сами говорили, Даша, на прошлой планёрке, что тиражи падают, рекламодатели уходят, что неплохо бы сенсационный материал.

– Да, я всё это говорила, но вспомните, Артур, ваш сенсационный материал десятилетней давности.

– Какой именно? – удивился Артур.

– Даша имеет в виду твою статью про «воров в законе», – сказал Герман. – Помнишь, ты писал, что Саакашвили выжил всех воров из Грузии, а теперь, дескать, ФСБ выжимает их всех из РФ, в связи с чем они неизбежно переберутся в Казахстан?

– Вот-вот, – подтвердила Даша. – Я даже заголовок помню «Алма-Ата будет снова жить по понятиям». Общественность была встревожена не на шутку. Из органов звонили.

– А что, нормальный заг, по-моему, броский, – попытался оправдаться Артур. – Кто ж виноват, что у них там олимпиада наклюнулась. А информацию я получил от органов, как раз, ни от кого другого.

– Броский-то заг броский, – сказал с мягкой, как бы извиняющейся улыбкой Герман. – Да вот в народе говорят, что всё в итоге сложилось с точностью наоборот.

– В каком смысле?

– Ну, стреляют, говорят, убивают. Кто попало и кого попало. Значит, говорят, воровского авторитета нет в городе.

– Мои источники в органах говорят иначе, – с достоинством парировал Артур. – Да и вообще, странная логика какая-то у обывателей. Нет чтобы радоваться, что не произошло нашествия организованной преступности из сопредельного государства.

– Да речь, здесь не в моральных оценках, Артур. Конечно, все мы рады, – вмешалась Даша. – Речь идёт о репутационном риске нашей газеты. Если вы пишете сенсационные статьи под броскими заголовками, вы должны быть на сто процентов уверены в качестве и объективности информации. Мы же не хотим скатиться до уровня «Рупора либерализма». Откройте любой номер – у них на первой полосе очередное разоблачение каких-нибудь финансовых

махинаций президентской семьи, но если полистаете дальше, там начинается такое говно, что даже графоманией трудно назвать. Графоманы хоть ради самомнения стараются.

– Знаю о чём вы – бессвязный бред анашиста, правильное название, – поддержал Артур. – И я очень надеюсь, что вы не сравниваете их материал с моими статьями.

– Нет, разумеется, Артур, не поймите меня неправильно – вы были и остаётесь лучшим репортёром криминальной хроники нашего города, – примирительно сказала Даша. – И этот последний инцидент необходимо осветить у нас, но я прошу вас переработать статью, дать сжатый отчёт о фактах, без версий.

– Не согласен, Даша, – неожиданно возразил Герман. – Происшествие действительно донельзя странное, из ряда вон. Жертва – человек, въехавший на территорию республики по поддельному мексиканскому паспорту. Личность его выясняется. Он умер, якобы, от сердечного приступа на территории торговой миссии дружественного государства. При этом он был вооружён мачете и принадлежит к известной в Америке преступной группировке. Все участники торговой миссии были в этот момент на торжественной инаугурации совместной обувной фабрики в Таразе. Что-то подсказывает мне, что это тот самый сенсационный материал, который нам так необходим. Более того, у этой истории, наверняка, будет продолжение. Можно было бы запустить серию статей с журналистским расследованием. Артур для этой роли как раз годится, как никто другой.

– Даже не знаю, что тебе на это ответить, Герман, – нерешительно произнесла Даша. – Давай поступим так: скинем этот материал Ильяс в Лондон со всеми твоими комментариями. Составь грамотный мейл.

– А если не утвердит? – поинтересовался Герман. – Чем-то полосу надо ведь будет занимать. А номер до конца дня уже в печать подписывать.

– Мне Сафарова с утра большой текст прислала, – снова не очень уверенно ответила Даша.

– Так-так, и что же там Дана накропала? – спросил Герман.

– Тоже очень странный случай – в Южноказахстанской области, шейх из Катара подстрелил на охоте редкую особь, андского кондора...

– И Сафарова обратилась за комментариями к своему бывшему мужу, орнитологу, – не вытерпев, перебил с досадой Артур.

– Совершенно верно, – откликнулась, не поведя бровью Даша. – И, между прочим, очень интересные комментарии. Сафаров утверждает, что волны сетей 4G сбивают с толку представителей фауны разных стран, нарушают их естественную систему координат, напрочь выводят из строя так называемый биологический компас.

Артур с Германом дружно фыркнули.

– Я подпишу её статью в печать вместо вашей Артур, только если Ильяс её не одобрит, – отрезала Даша. – Если он ничего не ответит, что ж, может быть, рискнём. Но советую вам ещё поработать над вашим материалом. У вас есть время до четырёх.

Без десяти четыре Артур настойчиво стучался в дверь Дашиного офиса. Когда она его пустила, он спросил:

– Ну как, есть ответ от шефа? – но Даша лишь покачала головой.

– Пока нет.

– А у меня новости – ситуация развивается, – торжествующе объявил Артур. – Жертва – гражданин США, личность не раскрывается. Из Лос-Анджелеса вылетела оперативная группа ФБР, в помощь нашему следствию.

– В самом деле? – нарисованные карандашом брови Даши поползли вверх в непритворном удивлении.

– Да! И я вам больше скажу, Даша. В составе группы Джек Морган. Помните его? Он дважды прилетал сюда, когда ФБР помогало нашим органам расследовать самоубийство бывшего мэра, а потом заказное убийство бывшего министра информации. У меня с ним тогда установился прекрасный контакт, до сих пор переписываемся.

Даша задумалась, посмотрела на часы. Наконец, нахмурившись, она сообщила:

– Артур, у вас есть время до пяти. Скиньте мне окончательную версию, но дайте чётко понять, что это первая из серии статей по данному делу. Мы запустим ваше журналистское расследование, как предлагал Герман.

Первая глава.

ПАРЕНИЕ КОНДОРА

«Пора искать новые сюжеты, незнакомую среду, быть может, другие страны»

Алехо Карпентьер, «Концерт барокко»

1.

В предрассветном небе над Тихуаной величаво парил крупный кондор. Казалось, что, распластав свои мощные крылья, он просто покоится на воздушной подушке, мерно покачиваясь в восходящих потоках тёплого дыхания сонной земли. Застывший, рассредоточенный взгляд птицы охватывал унылое пространство мутноватой супеси бурых холмов и песчано-каменистой почвы, равнодушно стелившееся далеко внизу. В редких островках зарослей колючей юкки и разлаписто возвышавшихся над ними высоких кактусов не виднелось ничего, что напоминало бы съестную добычу. Тут и там, правда, на дне ущелий белели кости рассыпавшихся остовов туш скота, круторогие черепа и даже кое-где человеческие скелеты, но все они были уже безнадежно, насухо обглоданы местными койотами, поклёваны вороньём. При внимательном рассмотрении, наблюдатель, знакомый с орнитологией, паче чаяния, узнал бы в парящем падальщике типичного представителя семейства андских кондоров. В самом деле, это был отнюдь не калифорнийский кондор, каковые в наше время уже просто не попадают в небо над окрестностями Тихуаны. Нет, это был его дальний сородич, неизвестно каким ветром занесённый сюда, на западное побережье Мексики, за тысячи километров от своего привычного ареала. От калифорнийского кузена его отличали крупные размеры, несколько более широкий размах крыльев и пушистый белый хохолок на шее. Внезапно, кондор вытянул вперёд свои мощные лапы, заскоружеными когтями вперёд, и начал камнем падать к земле. Дело в том, что его чуткий слух различил вдали, за облачным горизонтом, нечто отдалённо напоминающее клёкот белоголового орлана. Предпочитая не рисковать встречей с непредсказуемым хищником, андский кондор решил спикировать на показавшийся под ним отрог зазубренной скалы, чтобы дать себе небольшую передышку на одном из её карнизов. Снижаясь, он равнодушно следил за чёрной точкой, мчавшейся по шоссе в восточном направлении, разраставшейся на глазах с громким рыком.

Видавший виды «Понтиак Гран-при» образца 1973-го года, в тот момент был единственным, помимо кондора, движущимся объектом, нарушавшим безмолвный покой засушливой долины. Это был по-настоящему шикарный автомобиль, чем-то смахивающий на «ЗИЛ-117» того же года выпуска, но с низкой посадкой и урчащей гидросистемой на дополнительных аккумуляторах. Общий вид не портила даже разбитая левая фара на корме и погнутый задний бампер. Знающий коллекционер выложил бы хорошие деньги за эту машину. «Понтиак» летел через пустынные просторы Нижней Калифорнии, что называется, на всех парах. Водитель, сквозь полуопущенные веки ни на мгновение не упускал из вида серое дорожное полотно, металлические ограждения, неровный ряд бетонных барьеров, громоздившихся по центру трассы. В то же время, казалось, из-за усталости его воспалённым глазам стоило труда безотрывно следить за поверхностью дороги. Бесстрастное оливковое лицо, напоминавшее застывшую маску древнего воина, было отмечено печатью скрытой свирепости готовой в любую минуту исказить его черты. Одет он был в пропотевшую белую майку на лямках, которая у нас называется «алкоголичкой», а в Америке «женобойцей», широкие джинсовые шорты, грязные белые гетры до колен и ультрамодные кроссовки «Найк» ядовито-зелёного цвета. Смуглые мускулистые руки, плечи, даже горло и шея были безжалостно покрыты густыми разводами разноцветных татуировок. Одна из них изображала как раз парящего кондора. Неестествен-

ные рельефы бугристых бицепсов и плечелучевых мышц выдавали в одиноком водителе склонность к употреблению анаболиков и, может быть, даже мельдония.

Пако Гутьерес, деловой двадцатилетний калифорниец, действительно очень спешил в то утро. Совсем недавно его свободная жизнь висела буквально на волоске. Несмотря на все заверения Тимми, оставшегося на той стороне, в Сан-Диего, ему до конца не верилось в успешный исход. Лишь в ту секунду, когда вислоусый гринго в синей форме пограничника махнул ему левой рукой из своей будки, разрешая проезд, Пако смог, наконец, обрести второе дыхание. Да, конечно, Тимми говорил ему, сколько «Тридцатка» платит тому рыжему псу за беспрепятственный проезд каждой машины сверх условленной квоты, и даже показывал ему наличные деньги. Знал Пако и о том, что у пограничника, помимо щедрых взяток, были другие существенные мотивы держать своё слово – в первую очередь, страх за жизнь своих родных и близких из того же Сан-Диего. Всё это он хорошо знал, ему лишь трудно было поверить в своё собственное везение после всего того, что произошло в Санта-Монике позавчера. Именно поэтому он теперь так сильно спешил, зная, что никто и нигде его в это время не ждёт. Он спешил жить. Он должен был оставаться на свободе, чтобы любой ценой добраться до далёкого, неведомого города, до Алма-Аты.

2.

На самом деле его ждали неподалёку, и ждали, надо сказать, с изрядным любопытством. Агент Джек Морган устало развалившись в синем плюшевом кресле бара «Каса Мехор» в вестибюле одноимённой гостиницы города Хуарес, внимательно изучал почтовые сообщения в своём ноутбуке. В баре было пусто, лишь система кондиционирования воздуха издавала лёгкий шум. К столику время от времени бесшумной тенью проскальзывал дружелюбный черноусый бармен, чтобы ненавязчиво наполнить стопочку, к которой Джек изредка прикладывался. Текилу он потягивал мелкими глоточками, игнорируя горсть соли и дольки лайма на узорчатой дощечке. Сообщений, заслуживающих внимания, было немного. Одно с шутливым напутствием от шефа, ещё парочка с полезной информацией от коллег, всё остальное относилось к внутрикорпоративным рассылкам. Почтовый сервер ФБР был надёжно защищён от всякого рода спама, разумеется. Тем не менее, смежные отделы нередко ставили Джека в копию, не удосужившись убедиться, что информация действительно требует его внимания. Просто коллеги уважали Джека и ценили его меткие комментарии.

В той паре сообщений, которые он счёл полезными, содержались как раз сведения о Франсиско Гутьересе, уроженце Лос-Анджелеса, подозреваемом в совершении чудовищного преступления, всколыхнувшего мирную общественность Санта-Моники, а также в незаконном пересечении границы. С другой стороны, как раз в биографических данных Пако не содержалось хотя бы мизерного намёка на признаки, которые указывали бы на его эксклюзивное авторство в идее извращённого убийства в Санта-Монике. Типичный бандит из этнического гетто. Или, скорее даже, уличный наркоторговец. Таких в городе тысячи. Между тем, отпечатки пальцев Пако на оружии убийства служили неопровержимой уликой. Кстати, с пальчиков как раз-то всё и началось. Заключение дактилоскопического отдела вместе с рапортом окружного инспектора Лос-Анджелесской полиции, LAPD, каким-то образом легло напрямую на стол Нила Тейта. Последний, непосредственный руководитель Моргана, такие дела никогда не обходил вниманием, напротив, он относился к подобным труднообъяснимым странностям как к манне небесной. Бригада окружной полиции, вызванная по звонку обидительных жителей района, не обнаружила отчётливых авторских следов в том портовом складе, на месте преступления. Тело жертвы было частично извлечено из бочек с негашёной известью, но эти куски разъеденной плоти не подлежали идентификации. Жертву, очевидно, какое-то время пытали, но больше ничего определённого сказать было нельзя. Редкая удача выпала прибывшим чуть

позже криминалистам с собаками – на одной из соседних пристаней был обнаружен фрагмент фаланги среднего пальца левой руки. Видимо, первый палец отрезали садовым секатором, он отлетел на расстояние, затем его утащили грызуны или насекомые. В любом случае, это помогло установить личность жертвы – Джонни Куанг, уроженец Лос-Анджелеса, девятнадцать лет, безработный. Пытали и убивали, судя по всему, в спешке. Следственная группа работала оперативно, вскоре вышли на подозреваемых из молодёжной банды «БП-13». Шайка из портового района уже давно терроризировала окрестности. Звонков и письменных заявлений на них скопилось предостаточно. К сожалению, преступники так и не заговорили. Сотрудники подразделения по борьбе с организованной преступностью и наркооборотом слегка переусердствовали, расстреляв всех спящих бандитов при штурме коттеджа спозаранку. На этом месте Джек усмехнулся: в официальной версии упоминалось «вооружённое сопротивление аресту», хотя согласно описи полдюжины единиц огнестрельного оружия и тела подозреваемых находились в разных концах дома. Орудие убийства обнаружилось в гараже, в багажнике автомобиля – это был старинный обсидиановый кинжал, по сути, артефакт, представлявший собой археологическую ценность. Он был бы, несомненно, переправлен на экспертизу по предметам культурного наследия, если бы на чёрной полированной поверхности его лезвия не сохранялись кусочки плоти и следы крови Куанга, а на рукояти – отпечатки пальцев Гутьереса. При обыске гаража была также изъята банка с формалином, в которой плавало чуть сморщенное человеческое сердце, очевидно принадлежавшее жертве. Именно это курьёзное обстоятельство чрезвычайно заинтересовало Нила Тейта. Бытовая расчленёнка носила явные признаки ритуального жертвоприношения. Кроме того, не исключены были мотивы расовой ненависти, либо религиозной нетерпимости. Из архива, для сравнения и дальнейшей проработки, была извлечена пара безнадёжно «висячих» дел с обезглавливанием. Ранее оно считалось фирменным почерком центральноамериканских отделений «БП-13», теперь же было практически монополизировано исламскими террористами. Нил, крайне амбициозный человек, между прочим, недвусмысленно дал понять Джеку – больше всего он хотел бы от него результатов по версии исламского следа. Рапорт о предотвращении угрозы национальной безопасности сулил бы не только значительный прирост финансирования бюро из федерального бюджета в следующем отчётном году, но и бесспорные перспективы карьерного роста для самого Тейта и его команды. Нилу едва перевалило за тридцать, но он уверенно продвигался вверх по служебной лестнице. Даже при смене отделов ему удавалось добиться какого-либо очередного незримого повышения – в полномочиях, компетенции, доступе к секретной информации или к личным консультациям с руководством.

Между тем, база данных АНБ выдала по запросу использование СИМ-карты Пако и его логина на форуме с IP-адреса, расположенного в Эль Пасо, за неделю до убийства. Примерно в те же даты личный автотранспорт с номерами, зарегистрированными на имя Гутьереса, попал в приборы видеофиксации дорожной полиции штата на одном из тexasских шоссе. Соответственно, был объявлен федеральный розыск. Лично Джеку пришлось потратить полдня на поиск и систематизацию данных по родственным связям подозреваемого.

Ближайшим родственником уличного наркодилера, к вящему удивлению агента, оказался Фелипе Гутьерес, хорошо известный предприниматель из мексиканского города Сьюдад Хуарес. Родной дядя Пако владел в приграничном мегаполисе сетью промышленных сборочных цехов, так называемых «макиладор». Старший Гутьерес импортировал из США значительные партии сырья, а его предприятия ежедневно поставляли на соседний рынок массу самых разнообразных товаров – от текстильных изделий до компьютерного «железа». В целом, ничто, казалось бы, не указывало на близкие родственные связи между этим уважаемым бизнесменом и Пако, мелкой шпаной из подворотен Пико-Юнион. Дон Фелипе Гутьерес своей безупречной репутацией был, в частности, обязан гуманному обращению с рабочей силой.

На пике так называемого «феминицида»⁴, наименьшие потери среди работниц несли именно предприятия Гутьереса, благодаря грамотно налаженной работе транспортного отдела. Автобусы корпорации дона Фелипе, оборудованные спутниковой системой мониторинга автопарка, благодаря частым остановкам, доставляли большинство работниц чуть ли не до порога. В связях с организованной преступностью он замечен никогда не был, хотя во всех аналитических записках, имплицитно, по умолчанию, подразумевалось, что он, по крайней мере, должен был пользоваться услугами «крышевания» Центрального картеля, иначе картина его благосостояния – с учётом фактических реалий жизни города – вряд ли была бы такой безмятежной.

– Зря вы текилу пьёте. Рекомендую вам мескаль, – чей-то раскатистый голос бесцеремонно вторгся во внутренний монолог Джека и прервал логический ход его мыслей.

Словно бы из ниоткуда перед его столиком выросла довольно неожиданная в этом месте фигура грузного, пожилого южного джентльмена в мятом льняном костюме и соломенном котелке, сдвинутом на самый затылок. Джек, подняв глаза, вперил в него выжидательный взгляд, не выражающий ни недовольства, ни заинтересованности в дальнейшем продолжении диалога. У незнакомца было безобразно оплывшее лицо, брыластые щёки, пухлые, влажные губы, но при этом замечательно ясный взгляд пары мелких острых глазок. Над красным шишковатым лбом из-под котелка топорщилась жёсткая, неровно подстриженная чёлка тёмно-русых волос. Пятна пота расползались по ткани его пиджака, под мышками, прямо на глазах. При разговоре он постоянно хитро шурился и озирался по сторонам, его бегающие глаза словно бы успевали по ходу разговора сканировать сто процентов диаметра окружающей территории.

– Вы позволите? – не дожидаясь приглашения, мужчина тяжело опустился в кресло напротив и протянул Джеку пухлую ладонь. – Бош. Джеймс Бош. Управление по борьбе с наркотиками, глава страновой резидентуры. Можно просто Джим.

– Джейкоб Морган, – представился в ответ Джек. – Отдел сбора разведанных ФБР, ведущий инспектор Рабочей группы по «Браун Прайд-13».

– На Нила работаете, – удовлетворённо кивнул толстяк. – Хороший парень, настоящий профи... Ну и как вам Санчес, симпатяга не правда ли?

– Следили за мной? – холодно полюбопытствовал Джек.

– Упаси Бог, – возмутился его новый знакомец. – Но было бы странно, если бы вы, заселившись в «Каса Мехор» сегодня утром, не познакомились бы до вечера с главой городского управления полиции. Вы ведь сами сказали, что работаете по БП-13. Рабочий день вы заканчиваете за добросовестным чтением почты в лобби, значит, времени впустую вы сегодня не теряли, ведь так? В любом случае, старина, как бы то ни было, вы должны привыкнуть к тому, что здесь в «Золотой зоне»⁵ всем нашим всегда известно всё про наших.

– Окей, – словно бы нехотя кивнул Джек. – Что до Санчеса, то он произвёл на меня впечатление достаточно запуганного человека и, как бы это сказать... Потенциально опасного что ли. Вряд ли этот полицейский кристально честен – в том смысле, что во избежание крупных неприятностей, этот, по-моему, принципиально, до конца отстаивать букву закона не будет.

– Это вы зря, – убеждённо возразил ему Бош. – Санчес – по-своему героическая личность. Известно ли вам, сколько продержался на своём посту его предшественник? Нет? Ровно тридцать три минуты. Снайпер снял его из соседнего здания через полчаса после того, как бедняга приступил к своим новым обязанностям.

– По-моему в окнах его офиса пуленепробиваемое стекло?

⁴ Массовые убийства женщин, совершаемые в Мексике по половому признаку.

⁵ «Золотая зона» г. Сьюдад Хуарес – район вокруг консульства США, заселённый преимущественно местными богатыми семьями и иностранцами.

– Установлено непосредственно перед приездом Санчеса, – подтвердил Джеймс. – Местные специалисты по технике безопасности, увы, обновляют свои списки заданий к выполнению лишь изредка, по итогам усвоенного опыта. В то время как противостоящие им, нам, картели не просто дьявольски изобретательны, они ещё и становятся год от года наглее. Их словно бы подпитывает чувство собственной безнаказанности. Ведь это чувство лишь усиливается с каждой новой победой над государством и над нами, кхм, его союзниками.

– В общем, вы считаете Санчесу можно доверять?

– Абсолютно! – уверенно ответил Бош.

Эта информация вполне удовлетворяла Джека в настоящую минуту. Сегодня он не без труда убедил главу городской управы в необходимости установить круглосуточное наблюдение за домом уважаемого в городе человека. Разговаривая с Джеймсом Бошем, Джек уже видел, краем глаза, как к нему на почту «упал» первый письменный отчёт со сводкой от агентства наружного наблюдения. Тем временем, дружелюбный бармен, в очередной раз вынырнувший из ниоткуда уже разливал по чистым стопкам золотистый мескаль.

– Оставьте всю бутылку, дружище, – распорядился Джеймс Бош. – Запишите на счёт моего номера.

Его просьба была выполнена, и бармен снова растаял в полумраке пустого фойе. Джека невольно передёрнуло от отвращения, когда ему показалось, что гусеница в бутылке живая и извивается. Деликатно проигнорировав его реакцию, Джим поднял стопку: «за знакомство». Джек пригубил. Соотечественники вдруг притихли, задумавшись каждый о своём под действием уютного жжения в пищеводе.

– Давно вы здесь? – наконец, нарушил молчание Джейкоб.

– Целую жизнь, – мгновенно отозвался Джим. – Свыше двадцати лет.

– Вау, – Джек присвистнул. – Как получилось, что так долго?

– Вы не захотите всего этого знать, Джек, дружище.

– Отчего же, напротив, мне было бы очень интересно услышать вашу историю.

– Что ж, – Джим разлил мескаль по стопкам и, не дожидаясь Джека, лихо опрокинул содержимое в свою жадную глотку. Мысленно он уже успел поздравить самого себя с новым собутыльником, завербованным, благодаря многолетнему навыку, за рекордные полторы стопки.

Вторая глава.

СТАРЫЙ ДЖИМ ВСПОМИНАЕТ (1)

«Бедная Мексика! Так далеко от Бога, так близко к США»

*Порфирио Диас Мори*⁶

Меня перевели в Мексику напрямую из Медельина по собственному желанию в конце девяносто третьего. Смекаете? Да, это было сразу после бесславной кончины Пабло Эскобара, негласно считавшегося врагом номер один нашего государства. Куда там Горби или, тем более, вечно поддатому «царю Борису». Дон Пабло – вот кого хотели увидеть мёртвым как Ронни Рейган, так и Джордж Буш–старший. И надо отдать им должное, дело они поставили на славу. Сотрудники нашего Управления ходили в героях, мы ведь сражались на передовой. На войну с Эскобаром мы положили лет десять. С тех пор как Рейган учредил правительственную комиссию по координации борьбы с наркооборотом в Южной Флориде, мы постоянно чувствовали мощную поддержку исполнительной власти. Мы были неприкасаемыми. Сам я, кстати, перешёл в УБН из Службы внутренних доходов, как раз в начале восьмидесятых. Видите ли, меня в составе группы правительственных специалистов откомандировали в Майами по поручению той самой комиссии – её тогда возглавил Буш–старший, занимавший пост вице-президента. Мы провели скрупулёзный аудит местных банков и успешно раскрыли несколько многомиллионных схем, благодаря чему меня и пригласили в УБН, с повышением. И почти сразу же перебросили в Колумбию. Период был сложный – президент Бетанкур не жаловал американцев. Но мы справились на «отлично». Утомлять вас подробностями моего колумбийского периода не буду, это было бы отклонением от темы. Нет, Джек, поверьте мне, лучше в другой раз. Сегодня ограничусь лишь тем, что именно в те годы я по-настоящему повзрослел и стал циником. Как так вышло? Видите ли, одно дело работать клерком в правительственной организации, там ручек не запачкаешь, это уж точно. То есть, по крайней мере, если сам очень сильно не захочешь этого. Из корысти, например, понимаете, о чём я? Прекрасно. Так вот, при переходе от госслужбы к работе в полевых условиях, так сказать, тебе неизбежно приходится волей-неволей вникать в неисчислимое множество неприятных, неэтичных, а порой откровенно трагических деталей. И уже спустя годы, тебя вдруг осеняет – твоя личность, если не разрушена, то до неузнаваемости изменилась под влиянием обрётённых знаний и опыта. Думаю, молодой человек, вы стоите как раз на пороге подобных открытий, так что будьте готовы ко всему – это мой вам безвозмездный дружеский совет. Мы, например, УБН, пользовались всеми доступными ресурсами против Эскобара, разумеется, но решающую роль в его разгроме сыграл всё-таки вклад «сеньоров из Кали», его непосредственных конкурентов. Что это были за типы, не приведи Господь! Что-то среднее между нашим ку-клукс-кланом и европейскими фашистами. Это были богачи, которые осознанно забавлялись физическим отстрелом бедноты – бомжей, проституток, деклассированных наркоманов. Они называли это социальной чисткой города. Что?! Вы одобряете – ах-ха, всё с вами понятно. Вы, молодой человек, я полагаю консерватор, угадал? Понятно. В смысле не из неоконгов, а из поклонников Донни Трампа. Нет, здесь, нам с вами не по пути – я отдам свой голос по традиции за демократов, пусть это даже будет обманщица Хиллари. Говорите, эмигрируете из Штатов, если она победит? Извините, не поверю. Уж слишком вы искренний патриот для этого. Давайте так, раз уж на то пошло: для вас у меня всегда отыщется местечко в моей резидентуре, если вдруг придётся уехать. Договорились? По рукам. Надеюсь, придётся. Так вот, о чём бишь я? Ну да, поначалу я спорил с Фелпсом – это был мой босс тогда, глава страновой резидентуры. Пытался доказать ему,

⁶ Порфирио Диас Мори – бывший президент Мексики (с 1876 по 1911 гг.).

что головы гидры необходимо отсекать все разом. Медельин, Кали, Богота, Барранкилья. Но нет, он был вроде вас, убеждённый консерватор и, в первую очередь, антикоммунист. Так же как и посол Тамбс, так же как и Рон Рейган. Угрозой безопасности №1 почему-то считался лично Эскобар, а не сеть наркооборота в целом. Время, увы, доказывает мою правоту, но кому тогда было дело до мнения рядового оперативника? Вы подумайте только, какого колоссального размаха весь этот ад достиг теперь, в наши дни, прямо на нашем заднем дворе! Но нет, Эскобар видите ли был леваком и угрозой капиталистическому строю обеих Америк. Да, он безвозмездно строил жильё для бедняков своего города, но разве это превращает его автоматически в агента КГБ? От финансирования партизан из ФАРК он перешёл к сотрудничеству с государственными чиновниками Никарагуа, страны-рассадника красной угрозы. Рейган нервничал и дёргал своих подчинённых. Те передавали его нервные сигналы вниз каскадом. А как насчёт трезвой объективности, а? Рыночный анализ, кто-нибудь? Как по мне, то Эскобар был типичным оппортунистом. Смотрите – непролазная сельва в пограничных районах, оптимальный регион для складирования товара, строительства лабораторий и контрабанды. Находится под полным контролем марксистов, а вы бизнесмен, ну разве вам не всё равно? Вы платите партизанам налог, а это не то же самое, что спонсировать их из идеологических симпатий. Банковские счета и воздушные гавани Багамских островов и Панама на ваших глазах переходят под прямой контроль американских спецслужб, а вы бизнесмен, разве не логично, что вы перемещаете операции в Никарагуа? Туда, где мы слабее, куда мы рискуем соваться только через спорадические вылазки отрядов «контрас». Но наше правительство, как и моё начальство, почему-то не думало о последствиях будущей нарковойны для среднего американца. Нет, им нужна была только голова Эскобара. При этом больше всего в подобном деструктивном подходе упорствуют наши с вами коллеги из ЦРУ. Они вечно для достижения неких благих целей раскапывают каких-нибудь отъявленных мерзавцев, чтобы вступить с ними в тактический альянс. К чему я веду – «сеньоры из Кали», захватив маршрут Эскобара, пока он от нас прятался, начали активно подключать контрабандистов Мексиканского залива, мутировавших в Восточный картель. Эти колумбийцы, как никто другой, создали все предпосылки для десятилетий кровопролития и де-факто гражданской войны в Мексике. Предупреждаю вас заранее, когда я говорю «в Мексике», я всегда учитываю в уме США, как в формуле уравнения. Кроме того, в Колумбии ЦРУ курировало ультраправые военизированные формирования, воевавшие против партизан. Наши военные советники в целом старались использовать в Латинской Америке все методы, опробованные в борьбе с коммунизмом по всей планете: от уличных перестрелок в итальянских городах в ходе операции «Гладио» до тактики «выжженной земли» в джунглях Вьетнама. Там наши спецназовцы и союзники вырезали и сжигали живьём целые деревни, заподозренные в лояльности к Вьетконгу, от мала до велика. Здесь местные «эскадроны смерти» занялись тем же на территориях подконтрольных партизанам из ФАРК. В городах они отстреливали левую интеллигенцию. Такой уличный вариант операции «Кондор», очень эффективный, знаете ли. Наши сотрудники, в очередной раз получив по шапке из Вашингтона, пошли на крайнюю меру: вышли на эти эскадроны и связали их с картелями, конкурировавшими с Эскобаром. Всё те же «сеньоры из Кали» предоставили неофашистам неограниченное финансирование. Именно этот богопротивный альянс между УБН, ЦРУ, местными силовиками, армией, наркобаронами и ультраправыми садистами добился в итоге победы над Пабло Эскобаром, решительной и окончательной. Вот именно, вся королевская рать была брошена на это. Был ещё один такой, Оливер Норт, слышали? Функционер Совета национальной безопасности, подполковник морской пехоты. Курировал «контрас», ворочал миллионами налогоплательщиков как заборорассудится. Человек тефлонового Рона, всегда действовал по его личной указке. Вдумайтесь только, наш президент умышленно совершал противозаконные и антиконституционные действия, руководствуясь личными внешнеполитическими амбициями – это ли не высший уровень коррупции! Поподробнее? Извольте. Вы ведь,

наверное, тогда ещё пешком под стол ходили, многого не знаете. У нас такие факты впоследствии либо замалчивают, либо обеляют через привычную англосаксонскую двусмысленность. В январе восемьдесят четвёртого Государственный департамент включил Иран в список государств-спонсоров терроризма. Соответственно, любая продажа оружия Ирану без уведомления Конгресса, в обход законодательной власти, была запрещена. Таким образом, Рейган через Норта одновременно нарушил законы о регулировании экспорта, о контроле экспорта оружия, а также раздел шестьсот двадцать закона о помощи иностранным государствам. Вам интересно? Механизм был такой: из США свыше двух тысяч противотанковых и зенитных ракетных комплексов ушли партиями в Израиль, откуда посредник поставлял это оружие в Иран. В качестве оплаты за услуги, Израиль получал идентичные партии оружия из США. Аятолла Хомейни платил посреднику, который переводил его средства на секретные счета в одном из швейцарских банков. Рейган в свою очередь переводил их из этого банка небольшими траншами в Америку и уже здесь Норт предоставлял непосредственное финансирование никарагуанским и сальвадорским эскадронам смерти для вооружения и карательных операций. Причём это было опять же запрещено Конгрессом. Ещё в восемьдесят втором году, палата представителей большинством голосов приняла поправку Эдварда Боланда, демократа от Массачусетса, недвусмысленно запрещающую любое содействие подрывной деятельности против законного правительства Никарагуа. Почему Рейган не был осуждён, не сидел в тюрьме? Президентский иммунитет, табу. Единственным способом для того чтобы он понёс наказание была процедура импичмента, но этого не произошло. Техасский депутат от демократов инициировал слушания по закону об импичменте в палате представителей, дело расследовал специально назначенный прокурор, но, к сожалению, депутаты решили сохранить власть за Рейганом, несмотря на очевидные доказательства его вины. Тем самым был создан опасный прецедент – учитывая особенности англосаксонской правовой системы. Видите ли, мой дорогой Джек, у таких явлений как коррупция и злоупотребление легитимной властью есть как бы разные уровни. Мы остервенело преследуем санкциями какого-нибудь африканского князька за «мерседес» полученный в подарок от нефтяников, в то время как очередной Оливер Норт проворачивает от лица правительства миллионные сделки у нас на глазах, попирая устои Общественного договора, составленного отцами-основателями. Ближайший пример – лидер одной кавказской республики недавно прославился тем, что искоренил мелкое взяточничество в дорожной полиции своей страны. Более того, он первым успешно применил методологию ФБР по борьбе с организованной преступностью у себя на родине, против так называемого «воровского мира». Но запомнился он всё-таки не этим. Оказалось, что он совершенно нелегально переправлял огромные средства из государственного бюджета на тайную закупку вооружений в целях подготовки к молниеносной войне, впоследствии с треском им проигранной. Это ли не высший пилотаж феномена коррупции? Но вернёмся к нашим баранам. Тайные махинации Рейгана и Норта неизбежно вышли на свет, как я упоминал. Разразился неслыханный со времён никсоновского уотергейта скандал. Как быть? Рейган изначально выделил законные двадцать миллионов на поддержку «контрас», и они эту сумму весьма шустро распилили. Тогда Олли Норт обратился в ЦРУ, и те, без учёта нашего мнения, дали «контрас» привилегированные условия, «зелёный свет» на ввоз и сбыт кокаина в Калифорнии. Возможность самофинансирования, типа хозрасчёта. Это событие имеет непосредственное отношение к вашему сектору профессиональной деятельности. Вы ведь у нас по молодёжным бандам специализируетесь. Дело в том, что представитель движения «контрас», некий Бландон, дипломированный маркетолог, не имея возможности сбывать товар какому-нибудь Оззи Осборну или ещё кому в Голливуде, обратился к несостоявшемуся чёрному теннисисту Россу со связями в уличной банде «Crips». С собой он привёз технологию вываривания кокаиновой базы, смешанной с пищевой содой или аммиаком, в целях получения «камня», достаточно дешёвого продукта для сбыта в негритянских гетто. Так началась крёковая эпидемия. На её пике Росс зарабатывал до трёх миллионов

в сутки. Что же до Бландона, то он к тому времени уже числился в платёжной ведомости УБН. Да-да не удивляйтесь, мы платили ему весьма приличную зарплату, хоть и, конечно, весьма далёкую от барышей Росса. Он был ценнейшим информатором. Впрочем, из дела «контрас» непосредственно растут ноги не только тогдашней крэковой эпидемии, но и нынешнего плачевного положения дел в Мексике. В те времена отчёты от наших полевых резидентов в Гвадалахаре или Тихуане после поступления в центральный страновой офис УБН в Мехико сразу же архивировались под грифом «совершенно секретно», хоронились в секретерах начальства или попросту уничтожались. Главы резидентуры, как и руководство вашингтонского головного офиса, следовали инструкциям Госдепартамента, и не докладывали о реальном положении дел прикомандированным визитёрам из регулярных миссий Конгресса. Они игнорировали запросы от оперативников о дипломатическом вмешательстве ввиду неопровержимых улик по коррупции. Дело в том, что основатель первого мексиканского картеля Мигель Фуэрте пользовался двойной защитой, как Федерального управления безопасности Мексики, так и ЦРУ, в основном благодаря огромным благотворительным пожертвованиям в пользу движения «контрас». Фуэрте был очень умным бизнесменом, и хорошо знал кому, как и сколько платить за «крышу». Деньги он отмывал через собственную компанию по операциям с недвижимостью. Кроме того, он числился советником национального банка «Сомекс», так как был его крупным акционером и важным клиентом. Ещё в начале своей карьеры, когда он работал телохранителем губернатора, Фуэрте обзавёлся обширными связями в рядах функционеров Социально-Рабочей Партии. Он дружил с каждым из губернаторов Прибрежного штата, сменявших друг друга на протяжении двух десятков лет, крестил их детей. Поэтому за ним, кстати, и закрепилась кличка «Падрино», крёстный отец по-нашему. Первый картель он создал с несколькими таинственными инвесторами из-за рубежа, взяв в долю местных дружков-контрабандистов, «Доктора» и «Синего» Хуана. Почти у всех его ключевых людей были удостоверения или спецразрешения ФУБ со статусом неприкосновенности. Фактически с Эскобаром его тоже связал штатный агент ЦРУ Локо Балас, один из его партнёров по Первому картелю. Догадываетесь, почему Эскобар вышел тогда на Фуэрте? Совершенно верно – из-за нашей операции в Южной Флориде, в том числе из-за аудита банков Майами, проведённого вашим покорным слугой. Потеряв приморский рынок сбыта на Восточном побережье, Пабло Эскобар решил попытаться восполнить потери на Западном, и далее, по сути. Фуэрте до этого уже тоннами экспортировал в Калифорнию марихуану, гашиш, «ханку», героин. Пользуясь своими связями в спецслужбах, он отправлял свои грузы через границу в автоцистернах из-под сжиженного газа, целыми колоннами, согласно чётко организованному графику «свободных окон» на границе. Во время этих «окон» на смену по обе стороны границы заступали подкупленные офицеры таможенных служб обеих стран, получавшие по пятьдесят тысяч долларов за каждую партию груза. Что до оперативников УБН, то нам тогда было позволено арестовывать лишь мелкую сошку из розничных торговцев крэком на улице. Правда, однажды нам всё-таки удалось внедрить своего агента в организацию Фуэрте. В результате была проведена войсковая операция мексиканской армии, ставшая прототипом силовых акций президента, которыми позже с таким прилежанием занялся президент Касерола. На ранчо Фуэрте, окружённом плантациями марихуаны и опиумного мака, с боевых вертолётов было высажено до полутысячи солдат. Мы знали об этих плантациях и координировали распыление дефолиантов с мексиканской стороны до этого. Теперь выяснилось, что их пилоты намеренно сбрасывали химикаты в пустыне, после чего отчитывались об успешно проведённых мероприятиях по распылению перед ФУБ, а те перед нами. Плантации всё это время оставались нетронутыми. После этой операции агент УБН был раскрыт Фуэрте и зверски убит, причём отнюдь не его собственными головорезами. Палачами американского гражданина выступили опять же коррумпированные мексиканские полисмены. Потеря продукции с ранчо также подтолкнула Фуэрте со своей стороны к сотрудничеству с Эскобаром. Сначала он получал свою долю дивидендов в наличных, потом заклю-

чил с Эскобаром соглашение о разделе продукции. Когда мексиканцы добились статуса самостоятельных экспортёров, Первый картель стал фактическим монополистом на приграничном рынке, сконцентрировав все контрабандные потоки в своих руках. Ставки поднялись. Теперь Фуэрте знал, что на таком уровне ему уже гораздо труднее будет уходить от возмездия УБН. В этом чутьё его не подводило. Старый лис собрал на своей вилле в курортном Акапулько сходку криминальных авторитетов из всех ключевых регионов Мексики. Мы снова смогли внедрить своего агента под видом работника обслуживающего персонала. Он установил пару жучков. При переводе в Мексику меня, разумеется, ознакомили с бумажной распечаткой стенограммы. Фуэрте самолично осуществил территориальный раздел пограничных регионов. Всё по-семейному. Хуарес, в котором мы с вами сейчас беседуем, достался племяннику «Синего» Хуана, Альберто Торресу, по прозвищу «Лётчик». Торрес уже к тому времени мог похвастаться внушительным самолётным парком из двадцати семи «боингов-727», предназначенных для перевозки крупнотоннажных грузов колумбийского кокаина. Бывший глава хуаресского филиала Первого картеля «Дракон» Рамирес был назначен его «замом», то есть исполнительным заместителем, видимо, чтобы никого не обидеть. Вместе они основали Центральный картель. За контрабандистами Мексиканского залива, основателями Восточного картеля, «Племянником» Мапой и его младшим братом Серхио остался их собственный участок границы в штатах Тамаулипас и Новый Леон, эксклюзивное партнёрство с колумбийским картелем Кали и солидная доля в окончательном разделе продукции. Наконец, Запад формально достался «Доктору». Но первым заместителем «Доктора» Крёстный назначил «Живчика» Пабло, своего собственного племянника. Пабло, в свою очередь, сразу привлёк к бизнесу шестерых своих братьев. Обратите внимание, пожалуйста, на сей факт. На исторической сходке в Акапулько случилось лишь одно непредвиденное событие, заставившее Крёстного отца слегка изменить свой изначальный план. Пинья, один из лейтенантов армии Фуэрте, во время сходки неожиданно возмутился и устроил бунт, чуть было не сорвав всю встречу. «А почему именно Пабло должен быть «замом» у Доктора, а, Мигель?!», воскликнул он, как только Фуэрте, расчертив карту Мексики при всех собравшихся, объявил им свою волю. Этот возглас мог бы тут же стать его смертным приговором, если бы Пинью тут же не поддержал Монтес, его земляк и партнёр, также известный как «Монтесума». Их пригласили на сходку, потому что считали правой и левой рукой самого Крёстного отца соответственно. К тому времени эти два человека уже столько сделали для процветания Первого картеля, пролили столько крови, убили столько людей, что при разделе кокаиновой империи рассчитывали стать не меньше, чем «вице-королями» на каком-либо из участков границы. Чем ревностнее они выполняли задания своего Крёстного, тем больше он им доверял. Незаметно они сами обросли прямыми связями с колумбийскими поставщиками и оптовыми распространителями из США; обзавелись собственными карманными банкирами и девелоперами в Мексике, охочими до инвестиций чёрного нал. Фуэрте не рискнул сразу же расправиться с мятежниками. Ведь за теми уже стояли вооружённые люди, офшорные счета, инфраструктура. К моменту сходки они достигли такого уровня, что с ними уже просто невозможно было не считаться. Поэтому Крёстный и пошёл в тот раз на компромисс. Конкретно Пинью он «наградил» приграничным городком Сан-Луис-Колорадо-Рио, а Монтесу достался Текате. Но он затаил зло, и месть его была ужасной. Об этом чуть позже. В любом разе, досадный случай вовсе не помешал достижению полюбовного соглашения в тот вечер. Ниже по западному побережью был создан – в качестве филиала Центрального картеля – так называемый Прибрежный картель Пиньи и Монтеса. Они всё-таки получили лицензию на автономный бизнес. За собой старший Фуэрте оставил контроль за «общаком», или же за централизованной казной общенационального нарко-консорциума, а также внешние сношения – с Колумбией, Боливией, Венесуэлой, Перу, «контрас», импортёрами из США. Подобно Карлу Пятому из династии Габсбургов, Фуэрте полагал, что уйдёт на заслуженный покой, заложив основы для векового процветания участвовавших в сходке семей.

Но, разделив свою империю между этими людьми, он жестоко просчитался. Он построил пороховой склад, к которому оставалось лишь поднести спичку. Взрыв этого склада унёс и продолжает уносить десятки тысяч невинных жизней, больше чем в Афганистане и Ираке. Впрочем, нынешней большой войне предшествовали локальные стычки и битвы. Получив в ходе месяцев прослушки убедительные доказательства причастности Фуэрте к смерти агента УБН, наше руководство смогло убедить Рейгана оказать давление на Мехико. Что вы говорите, никогда не вмешиваемся в их внутренние дела? Окей, скажем так, Белый дом обстоятельно изложил свою точку зрения представителям правительства Мексики. Была проведена повторная войсковая операция, в ходе которой Фуэрте был арестован и в итоге сел в тюрьму. «Доктор» сразу же бежал из Тихуаны в Торонто – ему шепнули, что «Живчик» готовит на него покушение. Скорее всего, последний действительно уже тогда замыслил убрать «Доктора» со своего пути, ведь того и впрямь убили год спустя. Пинье и Монтесу всё это по-прежнему не нравилось. Говорят, полтонны груза для братьев Фуэрте пропало тогда на подконтрольной им территории, между Обрегоном и Тихуаной. Было ли это правдой, мы не знаем. Прибрежному картелю, как вы помните, пришлось довольствоваться Сан-Луисом и Текате при делёжке. Тогда это был абсолютно бесперспективный маршрут как с логистической, так и с коммерческой точки зрения. Что у нас с той стороны? Морена, посёлок городского типа и Юма, с населением меньше ста тысяч, где местные торговцы кокаином устраивали себе ярмарку лишь раз в год, во время фестиваля гитаристов-мариачи и бардов нарко-корридо. Завладев западным маршрутом, братья Фуэрте-младшие заманивали в свою организацию «золотую молодёжь» Тихуаны, выходцев из богатых семей с высшим образованием. Помимо выгод, которые братьям сулили связи и заступничество родителей такой молодёжи, их действительно интересовало в первую очередь их интеллектуальное развитие, порода. Все они обладали хотя бы одним, а то и двумя дипломами в области правоведения обоих государств, финансовых норм, инвестиционных механизмов, налогообложения и таможенного регулирования зоны Североамериканского соглашения о свободной торговле. Так был создан Западный картель, контролирующий основные активы Крёстного отца, его наследие. У братьев были большие планы, они отнюдь не собирались ограничиваться ролью местных царьков наркотрафика. Тем временем, как раз подросла ужасная месть нашего злопамятного сеньора Фуэрте. В близкий круг Пиньи уже с год как внедрился некто Альманегра из Венесуэлы, женившийся на его младшей сестре. Парень не выделялся практически ничем, кроме того, что нравился бабам. Так вот, человек этот оказался засланным, от семейства Фуэрте. Пока Пинья прятался от полиции на очередном лежбище в сонорской пустыне, Альманегра совратил его жену, уложил её в постель, а потом возьми и предложи ей бежать вместе с ним в Каракас. Та, недолго думая, согласилась. С собой они прихватили детей, наличные сбережения, драгоценности, наркотики. По пути, в Сан-Франциско, по настоянию любовника, несчастная женщина сняла со счёта Пиньи семь миллионов долларов и перевела их на счёт Альманегры. Сразу же после прибытия в Венесуэлу, Альманегра ночью задушил её подушкой, отрезал ей голову, упаковал в небольшой металлический ящик с холодильной камерой и отправил в Мексику, где его подбросили в дом Пиньи. Спустя ещё пять дней Пинье по почте была доставлена видеокассета. Альманегра заснял последние минуты жизни детей Пиньи, четырёхлетней девочки и пятилетнего мальчика. Он сбросил их с моста Конкордия, что в венесуэльском Сан-Кристобале и запечатлел их долгое падение с высоты сто пятьдесят метров в бездну от начала и до конца.

Знаете, по большому счёту, мне кажется, что если бы речь шла исключительно о грузах и деньгах, то мы бы не стали свидетелями столь долгой и жестокой войны. Какими бы жадными ни были все эти воротилы, если бы ими двигала одна лишь корысть, они бы всё-таки договорились, так или иначе. Ищите женщину, мой дорогой, ищите женщину всегда и во всём. Пинья разыскал останки своей семьи, похоронил их на родине и отстроил над могилой огромный мавзолей, украшенный жалостливыми фресками. Его жизнь превратили в ежесекундную боль,

которую не в силах унять даже реки вражеской крови, питающие океан человеческой жестокости. Но сегодня я, пожалуй, больше не стану вас утомлять. Видите ту цыпочку за барной стойкой? Маленькая Хуанита. Она ждёт меня. Здесь, знаете ли, можно вести очень приятную жизнь, если ты в меру щедр.

Третья глава.

КРЕСТИНЫ В ТИХУАНЕ

– Добро пожаловать, дорогие прихожане, на празднование крестин этой маленькой дщери Божьей, – торжественно провозгласил епископ Херардо Монтеро, и продолжил, обращаясь уже к стоявшей перед ним молодой паре с новорожденной девочкой на руках у матери. – Вы связали свои жизни узами брака, дали рождение этому ребёнку и пришли в Церковь, чтобы крестить его. Какое имя вы выбрали для своего ребёнка?

– Пьедад, – ответил Пабло, красивый молодой отец с буйной шевелюрой, одетый в белоснежный костюм, и его супруга, очаровательная донья Эльвира кивнула, ослепительно улыбаясь священнику.

– Чудесное имя⁷! Помните же, что испросив крещения для своего ребёнка, вы обязаны растить его в христианской вере. Крещу тебя, маленькая Пьедад, от имени Церкви Божьей, во имя Отца и Сына и Святого Духа.

Отец Херардо наложил большим пальцем знак креста на лобик младенца и начал потихоньку лить воду из медного кувшина на её крошечную головку. Пьедад захныкала.

В переполненном нефе, в первых рядах, выделялась группа из шести Фуэрте-младших. Почти все они были одеты, в цветастые «гавайские» рубашки, по моде мексиканских провинциалов, светлые брюки и беговые кроссовки. Массивные золотые браслеты на волосатых руках, позвякивая, стукались об «ролексы» при каждом жесте. «Лысый» Панчо, старший из них, водрузил на голову огромный белый стетсон, который он упорно отказывался снимать даже в церкви. Взоры молящихся прихожан с нескрываемым любопытством обращались на братьев гораздо чаще, чем на отца Херардо, произносившего тем временем сакральные формулы с амвона.

«Горилла» Хуан, стокилограммовый великан, затянутый в трещавшие на нём чёрные кожаные штаны, склонился к уху «Лангуста» Эдо и низким голосом сообщил:

– Говорят, Монтесума послал сюда своего человека.

– Зачем? – равнодушно пожав плечами, ответил Лангуст.

– Разбираться. Якобы из-за того, что «Синий» после ареста дяди сообщил ему, что отдал штат «Доктору», а «Доктор» сбежал. Теперь трезвонит на каждом углу, что мы заплатили Тибуруну, чтобы тот его убрал. Позорит семью перед уважаемыми людьми.

– А Монтесума здесь причём? – всё так же равнодушно проронил Лангуст.

Горилла собирался ответить, но после того как Панчо окатил его выразительным взглядом святоши, лишь покрутил указательным пальцем в воздухе, звякнув браслетами. Лангуст согласно кивнул: «поговорим после мессы». В этот момент братья церемонно, друг за другом, пристраивались в проходе между скамьями к очереди прихожан за причастием. Временно забытое отвлекшимся Богом население привычно, по-сизифовски, тянулось друг за другом в сторону трансепта, к недостигаемому свету. Панчо вновь обернулся к Хуану и сделал большие глаза. Хуан сначала не понял, но потом вспомнил, что сегодня не исповедовался, вышел из очереди и вернулся на место, откуда мрачно наблюдал, как коленопреклонённый Панчо сосредоточенно жуёт тело христово, благоговейно запитое пресуществлённой кровью. Разноцветные блики недостигаемого света тоскливо струились на каменные плиты пола свозь искусный витраж, отобразивший на своих стёклах кроткую паству в виде стада баранов.

После мессы братья в парадном кортеже «мерседесов» направились напрямиком в клуб «Инглатерра», где всё было готово к грандиозной фиесте. Парковка была под завязку забита дорогими автомобилями. Отдельные припозднившиеся гости продолжали прибывать на такси.

⁷ Piedad – Милосердие (исп.)

Народ уже растекался по площадке с дымящимися мангалами вокруг огромного бассейна, в котором плескалось несколько загорелых девушек и юношей. Дети приглашённых семейств шумно резвились на батутах в специально разбитом для них надувном городке. Возбуждённая толпа перекатывалась с патио на освобождённые от сеток теннисные корты, охраняемые шеренгой угрюмых мордovorотов по наружному периметру. Галдящая масса разбивалась на мелкие группки, судачила, от души отдавая должное закускам от семейного повара и дорогим напиткам, причмокивая, хвалила отборный виски из дубовых бочек. Это была настоящая массовка, отобранная из сливок городского общества, призванная свидетельствовать о богатстве и власти семьи Фуэрте. Повсюду слышались льстивые речи, восхищённые сплетни, сливающиеся в общий благоговейный гул. Банкиры, полицейские чины, нотариусы, адвокаты, представители духовенства, репортёры из лояльных изданий собрались, чтобы отдать дань почтения крошке Пьедад и её преуспевающей семье.

Но помимо солидной возрастной публики, не меньше здесь было представлено и местной молодёжи. Харизма Живчика и брутальность Гориллы притягивали подростков и студентов из богатых семей, как магнит. Побывать на одной из вечеринок, регулярно закатываемых Фуэрте-младшими, было заветной мечтой всех местных девчонок, а парням такое приглашение придавало веса и значительности. Что же до людей, которым посчастливилось попасть в весёлую компанию, то их навсегда затягивал стремительный водоворот праздной жизни, шумных сборищ и спонтанных нарушений уголовного кодекса. Преступная карьера новоявленных членов картеля начиналась исподволь, с каких-нибудь мелких правонарушений и заканчивалась двадцатилетними сроками, если не кладбищем. Пьяная бравада с нелегальным ношением оружия неизбежно перерастала в личные трагедии, когда, не успев оглянуться, желторотые юнцы с зачатками представлений о реальной жизни вдруг оказывались повязанными кровью с одними из самых хладнокровных убийц на земле.

Например, жалобы соседей Гориллы по кондоминиуму на громкую музыку изначально воспринимались толпой подвыпившей молодёжи с глумливым юмором. Каждый старался перекричать, перетопать, перешуметь другого, с упоением доказывая нудному старичью за стеной право юности на непослушание. Всё обернулось кошмаром за те доли секунды, когда один из раздосадованных соседей всё-таки дозвонился в дверь, а Горилла не долго думая застрелил его в упор прямо на пороге. В тот момент, когда после двух сухих щелчков пистолета безжизненное тело отставного полковника полиции грузно ввалилось в прихожую и распласталось на красном ковре, все, кто это видел, вдруг остановились и смолкли, но лишь затем, чтобы, будучи подстёгнутыми нетерпеливым жестом Гориллы, возобновить буйство ночи с удвоенной энергией. Свистопляска становилась лишь громче и разнузданнее, пока Горилла с двумя подручными оттаскивали тело старика в погреб, где огромный чан, наполненный кислотой, по традиции дожидался очередной жертвы. Постепенно, таким или схожим образом Фуэрте-младшие сплотили вокруг себя молодое поколение высшего класса Тихуаны. Это было намеренной стратегией семьи, идейным вдохновителем которой был Живчик. Они создавали свой собственный картель.

В тот день только самые громкие возгласы и смех изредка пробивались сквозь наглухо задраенные и зашторенные окна конференц-зала «Инглаторры», в котором братья держали военный совет.

– Если бы дядя знал, чем эта чернь способна отплатить за благодеяния, он ни за что не «поднял» бы таких людей как Монтесума или Пинья, – возмущался Хавьер «Тигрёнок», самый младший из братьев. – Они обязаны всем, что у них есть нашей семье.

– У плебеев отсутствует благородное чувство признательности, – согласился Карлос «Хирург», самый рассудительный из братьев. – Подумать только, кем они были до того, как дядя их подобрал... Пеоны, навозники, побирушки со свалки. Но Пинья понёс своё наказание за то, что обманул дядино доверие. Врагу не пожелаешь.

– Не приведи Господь! – воскликнул Лысый Панчо и непроизвольно перекрестился.

– Самое главное, надо решать, что нам теперь делать? – сказал Пабло. – Мы не можем просто сидеть, как в осаде, и ждать, пока бешеный Пинья до нас до всех доберётся. А ведь он теперь не успокоится, пока жив. Он будет стремиться мстить всей нашей семье. До Альманегры он уже добрался. Но заказчиками он считает нас.

– Валить их всех надо, – мрачно ответил Горилла. – Пусть только сунутся. Моё мнение таково – с ними слабину дашь, и, почитай, наша песенка спета. Пинью завалить надо было в первую очередь.

– Тогда бы месть дяди была бы не такой страшной, – возразил Пабло. – Думаю, он намеренно оставил Пинью в живых, чтобы тот подольше помучился, чтобы как следует осознал, на кого он голос поднять посмел...

Зашипела рация, лежавшая на столе перед Гориллой. Сквозь помехи послышался встревоженный голос охранника: «Здесь парочка порывается в клуб пройти без приглашения, оба пьяные. Парень говорит, у него дело к дону Пабло. В драку лезет». Горилла поднял рацию, нажал вызов и хмуро спросил: «Кто такой?». Было слышно, как кто-то действительно переругивается с охранниками нетрезвым голосом. «Армандо Диас из Прибрежного штата», сообщил охранник. Горилла поднял глаза на Пабло. Тот молчал, словно бы погружённый в мысли. Тогда Горилла отчеканил: «Это от Монтесумы. На входе». Но Живчик лишь неопределённо дёрнул головой, то ли утвердительно в ответ на некий немой вопрос, то ли давая понять, что пусть Горилла разбирается сам.

Горилла резко поднялся из-за переговорного стола и пулей выскочил в дверь, распахнув её настежь. В помещении повисла напряжённая тишина. Только Живчик еле слышно проронил: «Испортить мне крестины решили, ублюдки». Потом братья отчётливо услышали знакомые сухие щелчки. Это для начала, вместо приветствия, заговорил пистолет Гориллы. Потом послышался его срывающийся от ярости крик: «А ты, потаскуха, тоже на асфальт, живо, мордой вниз». Раздался ещё один сухой щелчок. В этот момент кто-то прибавил громкости на установленной в патио стереосистеме. Предсмертные хрипы жертв, раздававшиеся с автостоянки, заглушили ритмы евро-диско и восторженный девичий визг со стороны бассейна.

Четвёртая глава.

ВЕСТИ ИЗ МЕХИКАЛИ

1.

Первым, что увидел Джек проснувшись наутро была Библия в чёрном кожаном переплёте с вытисненным на корешке золотистым крестом, лежавшая на ночном столике. Администрация не только баловала постояльцев комфортом, но и заботилась об их духовных нуждах. У Джека натужно ломило черепную коробку от выпитого накануне. Он поплескал в лицо холодной водой в ванной, почистил зубы подарочной щёткой и вернулся в комнату. Отчёты, пересланные Санчесом были в основном на испанском, сплошная белиберда, лишь в сопроводительных записках шеф местной полиции снизошёл до комментариев на ломаном английском. Общий смысл был такой, что Пако благополучно добрался до Мехикали, где остановился в каком-то заброшенном доме, занятом участниками местной клики БП-13. К отчётам прилагались размытые фотографии плохого качества, снятые на дешёвые смартфоны и даже пятиминутный видеоролик, на котором различить связный сюжет можно было лишь с третьего просмотра. Судя по фотографиям местное отделение банды так же походило на своих калифорнийских коллег, как, скажем, чернорабочие из местной макиладоры на представителей крупных американских профсоюзов. В Лос-Анджелесе члены БП-13 тоже проживали группами, совместно, но в собственных домах с газонами, гаражами и, иногда, бассейнами. Здесь же бандиты занимали какой-то пустующий остов недостроенного дома на безлюдной окраине, изукрашенный аляповатыми граффити. «Больше смахивает на жильё бездомных калифорнийских панков», подумал Джек. Ему невольно вспомнилось, что в такие вот жилища стекаются подростки, сбежавшие из дома в Лос-Анджелес. Они стекаются в его город, точно так же как и пенсионеры – из всех штатов ржавого пояса, лишь затем чтобы потом медленно подыхать, коченея под жарким калифорнийским солнцем, изнывая от одиночества и предательств, впитывая кожей пыль, нанесённую сюда тысячами стоптанных подошв из тысяч чужих и далёких городов. Кто знает, нет ли и среди малолетних бандитов, ютящихся в развалинах с этой фотографии, таких же американских подростков, бросивших свои дома лишь затем, чтобы примкнуть к очередной уличной семье? Нищая молодёжь сбивается в банды оттого, что так им легче выживать среди обречённых масс, принадлежащих к низшим звеньям пищевой цепочки. Поэтому, когда такие вот подпольные структуры, неформальные объединения, зародившиеся в этнических гетто сытого Лос-Анджелеса, теперь добираются до беднейших стран региона, местные подростки, едва успев разделиться на банды, носящие разные числовые обозначения или инициалы, вдруг начинают ни с того, ни с сего отстреливать и резать друг друга в тысячи раз чаще, чем их американские собратья. Горы трупов вырастают на пустом месте буквально в одночасье, переполняют морги, оккупируют кладбища. Трудно паразитировать на нищете своих ближних, если не сеять постоянно кругом страх, измываясь над себе подобными. Цена на молодую человеческую жизнь падает по мере продвижения вдоль меридиана на юг, параллельно с соразмерным падением покупательной способности и прожиточного минимума. И кто знает, не выплывает ли мутная волна Большой рецессии подобные отбросы общества, изрыгнутые заложенными и перезаложенными квартирами многоэтажных окраин какого-нибудь Нью-Джерси, теперь и через госграницу? Осколки разрушенных и пущенных по миру семей вполне могли бы всплывать и здесь, к примеру, в том же Мехикали. Недаром ведь название городка – гибридное слово, сложенное из Мексики и Калифорнии, точно так же, как и Калехико за контрольной линией, на той стороне.

На мгновение прикрыв глаза, Джек позволил себе вспомнить шумы родного города за окном своей квартиры и отчётливо увидел перед собой загорелое юное тело своей жены. Мыс-

ленный взор с готовностью соткал из воздуха их широкую итальянскую кровать, обитую белой кожей, скомканные за ночь покрывала из персикового перкаля, тёплую ложбинку, оставляемую телом сонной Янины, когда она переворачивается со спины на бок, нежный цветочный запах её кожи. Казалось, их недавний отпуск в Гонолулу закончился лишь вчера. Между тем они были женаты уже полтора года, и эти месяцы стали самым счастливым временем в жизни Джека. Он вспомнил оценивающие взгляды, которыми, словно невзначай, её окидывали сёрферы на пляже Вайкики, и его неприятно кольнуло в сердце. Волны гордости от обладания трофейной женой неизбежно обращались в пену отчаяния, разбиваясь о мрачные рифы упорно гнездившихся в душе подозрений, что Янина его не любит и когда-нибудь непременно будет ему изменять. Он выбрал её на одном из самых надёжных сайтов знакомств, по критериям возраста, веса, роста и происхождения – Джек обязательно хотел завести семью с девушкой из Восточной Европы, которая была бы моложе его на двадцать лет. Непосредственно перед тем как оформить приглашение, Джек вылетал в Клуж, где смог убедиться в полном внешнем соответствии невесты загруженным на сайт снимкам. В жизни она была даже красивее, и он не преминул упомянуть об этом на одном из первых свиданий. Именно в тот период первых встреч, неспешно разворачивавшихся в подлинное знакомство, Джек ощутил, что тонет в тягучей патоке омута платонической любви. Она прилетела к нему сразу после своего совершеннолетия, когда Джек уже выплатил невозмещаемый аванс пастору и зарезервировал дату для церемонии венчания в местной пресвитерианской церкви. Он открыл глаза и взглянул на часы. Домой звонить было рано. Наверное, Янина ещё не проснулась.

Джек вздохнул и снова прокрутил видео. Строение с покосившимися стенами. Осыпавшаяся штукатурка, ржавчина обнажённой арматуры. Провалы оконных проёмов без стёкол. Подкатывает машина Гутьереса. Полуголые татуированные парни режутся в домино у входа. К стене прислонён АК-47. Они приветствуют друг друга дурацкими жестами с распыльцовкой. Пако озирается, словно принимаются. Входит в помещение. Парни встают, подходят к машине, разглядывают её, обходят кругом.

2.

Джек спустился на завтрак в фойе и прошёл на террасу, где был накрыт шведский стол. Из глубины зала ему помахал Бош, и Джек кивнул. Благодаря компенсаторным эффектам сглаживающей дымки утренних лучей, издали, Джим выглядел несколько более подтянутым, чем накануне, свежее и как будто немного моложе. Впрочем, Джек отметил про себя, что он с утра уже пьёт местное игристое вино, причём видимо не первый бокал. Как раз в этот момент, Джим властным жестом подозвал официанта и отправил его за бутылкой кавы, стоявшей в ведре со льдом, на краю длинной, накрытой столешницы в центре зала. Джек тоже подошёл к буфету, отыскал контейнер с овсяными батончиками, наложил их в миску, залил молоком, добавил сухофруктов, посыпал всё семенами чиа и прошёл к столику Боша. По пути он остановился у стойки с напитками, чтобы выпить залпом бокал свежавыжатого сока из гуанабаны и забрать с собой ещё один. Джим занял столик у окна, с видом на лениво просыпающуюся авениду.

– Ну как вам новости, мой друг? – вместо приветствия атаковал его Джеймс, пока он усаживался за стол с подносом. – Съезд Республиканской партии официально утвердил Трампа кандидатом в президенты.

– Только рад этому, само собой, – ответил Джек.

– Вот как! А я-то надеялся, что переубедил вас голосовать за него.

– Нет уж. Зачем, чтобы наблюдать, как Уолл-стрит обращает мой народ в тотальное рабство?

– А вы, видимо, считаете, что при республиканцах наш народ вполне свободен от них, – съязвил Джим.

– Боюсь, что до сих пор никто, повторюсь, никто ещё не представлял интересы финансистов во власти в той же мере, как ваш нынешний кандидат, с её семейным фондом, корпоративными и личными связями. Двадцать миллионов в личный карман за одни только речи, произнесённые в банках и фондовых фирмах! Это же завуалированная взятка за услуги, по вашему нет?

– Для политика её уровня это нормально. Её стандартный тариф – двести двадцать пять тысяч за часовое выступление. А что вы хотели? Русские олигархи оплатили Кайли Миног миллион за полчаса кривляний на частной сцене.

– Русские олигархи настолько тупы, что до сих пор зачем-то сорят деньгами напоказ. Международные финансисты намного практичнее – они инвестируют в своё собственное влияние, в реальную власть над миром, если угодно. Пример: кто возглавлял Госдеп, когда Goldman Sachs протолкнули нужные им поправки в Закон о контроле над бюджетом? С тех пор их оштрафовали на пять миллиардов за открытое мошенничество с деривативами, и это лишь верхушка айсберга, вам ли с вашим опытом не знать этого. Вот как дела делаются.

– Ну, хорошо, хорошо, давайте отвлечёмся от этой женщины. Вы смогли бы в теории проголосовать за кого-либо из кандидатов от Демократической партии?

– Мне не нужно столько государства в моей частной жизни, благодарю покорно. Не горю желанием жить в Социалистических Штатах Америки.

– Бросьте, что за бред.

– Читали ли вы, Джим, предвыборную платформу Сандерса? Он ведь, к примеру, уверен, что я должен платить за колледж и лечение какого-нибудь легализованного Хуана или Рамона. Сказал бы уж прямо: «Хочу расплодить оплачиваемых бездельников, как во Франции, поэтому те, кто реально зарабатывает, пусть делятся и платят подати в федеральный бюджет».

– Но он же не прошёл в кандидаты...

– Все вы, демократы, одним миром мазаны, – отмахнулся Джек. – Неужели вы, например, можете хоть в чём-то позитивно оценить годы президентства Обамы?

– А что, он неплохо справился с кризисом в автопроме, для начала. Потом, реформу здравоохранения и план стимулирования экономики, как начинания, я полностью поддерживаю ...

– Даже план стимулирования? Так вы за экономику, основанную на перманентном госдолге и бюджетном дефиците. Между прочим, это чревато фискальным обрывом. Что же до кризиса и реформы – да, это правда, что для начала он обанкротил и национализировал автопром, и лишь потом взялся за геноцид злосчастных страховщиков. А вы знаете, что расходы из госбюджета на здравоохранение превысили за последний год три триллиона долларов? Даже нефтянке далеко до такого капиталоборота. Судя по всему, или потолок госдолга в ближайшие десять лет придётся сдвигать до тридцаточки, или... Суть ведь не в самой реформе – это лишь символ явного левого поворота Обамы к коррумпированной социал-демократии. Был у меня тоже забавный случай в практике. Попала мне как-то в разработку банда «АП-13». Это случилось чуть ли не на следующий день после того, как Палата представителей Конгресса впервые утвердила реформу Обамы, а президент собственноручно подписал Акт защиты пациентов в США. Группировка эта, «АП-13», базировалась в Беверли-Хиллс, где я живу, держала там станцию техобслуживания легковых автомобилей, как раз по соседству с моим домом. Честно говоря, первую наводку мне дали соседи. Понаблюдав за заведением и контингентом пару суток из машины, я понял, что дело нечисто. Начал следить плотнее. Выбил разрешение на прослушку. Спустя полгода, когда я получил, наконец, санкцию на обыск от прокуратуры, знаете, что я там обнаружил? Целую подпольную мини-типографию, которая днём и ночью распечатывала фальшивые страховые бланки «Медикейд», а на жёстком диске тысячи личных дел пациентов и врачей. Оказывается, они ухитрились получить доступ к внутрикорпоративной сети центральной городской клиники, завладели регистрационными номерами лицензий и

дальше сами понимаете – просто гребли лопатой. Только и знали, что обналичивали. Когда мы их накрыли, уже сотню миллионов у американских граждан украли. Это я к чему всё говорю, не успел ваш Обама издать свой Акт, как нас всех уже крупно поимели чёртовы русские.

– АП-13 – разве не армяне? Помню, кто-то из них вроде бы засветился на войне в Сирии, на стороне Асада.

– Было дело. Мы их депортировали, их там призвали в армию. Да какая разница, в конце концов, русские или армяне...

– Что ж, объяснить гигантские затраты на здравоохранение довольно просто. Надо смотреть в корень проблемы. Ни в одной другой цивилизованной части света биологическая жизнь человеческого существа не обрела столь явственного выражения в денежном эквиваленте, не срослась с капиталом в такой степени как у нас. Знали ли вы, что приболев в любой другой стране, вы запросто можете отправиться в аптеку и свободно приобрести все необходимые вам для лечения медикаменты, включая антибиотики, без необходимости наносить платный визит к жуликоватому терапевту или обращаться в страховую компанию?

– Даже антибиотики? Без рецепта? – глаза Джека округлились в непритворном удивлении. – Вы шутите...

– Ничуть. Более того, если с вами, что-нибудь случится на улице, или даже в помещении – травма, например, или удар хватит, не дай бог, то за границей вам вполне могут оказать первую медицинскую помощь. Бесплатно! Вас будут лечить даже без страховки.

– У нас в теории такое тоже возможно.

– Да, но случись у нас такое, вас потом будут преследовать всю жизнь, требуя оплатить счета, если вы, конечно, не располагаете убедительными свидетельствами собственной неплатёжеспособности. В других странах, оказав вам скорую помощь, вас просто отпустят восвояси. Пожелают доброго здоровья. Более того, в развитие темы, если вы вдруг решите пролечиться дома, вы можете взять так называемый «больничный», хотя вы, наверное, не знаете, что это такое.

– Нет.

– Это когда работодатель оплачивает вам все дни, необходимые для лечения, как если бы вы не покидали рабочего места, а то и приплачивает сверху. Если вы женщина и забеременели, вы можете свободно взять декретный отпуск, рожать и нянчиться с новорожденным столько, сколько нужно, без риска, что вас за это уволят. В некоторых странах в оплачиваемый декрет отпускают даже отцов. Да что там! Скажите, сколько длится ваш оплачиваемый ежегодный отпуск, Джек?

– Благодаря выслуге лет – десять дней.

– Вы правы – у нас это максимум. В ЕС минимум составляет четыре рабочие недели.

– Джим, признайтесь, вы меня разыгрываете.

– Если бы. Даже австралийцы недавно перешли от нашей модели к европейской, мы в этом смысле уникальны. Европейцы, от рядовых уличных манифестантов до глав правительств, упорно отказываются от экономической интеграции с нами именно по этой причине. Наши жизненные стандарты, по их мнению, намного ниже, и это касается не только трудовых отношений и здравоохранения – речь идёт об экологических нормах, общественном транспорте, еде и вине, контроле качества, защите потребителей, нераспространении огнестрельного оружия для маньяков и так далее, назовите сферу сами.

– Вы просто подталкиваете меня к сознательной эмиграции.

– Вовсе нет, я пытаюсь убедить вас голосовать за демократов. Прогрессивное крыло нашей партии хорошо понимает, что нам необходимо ориентироваться на более высокие цивилизационные стандарты социальной модели наших европейских братьев. Мы уже пришли к невиданному процветанию, обеспечившему Америке мировое лидерство. Пора бы уже дать передышку нашему народу, гуманизировать качество его жизни. Вы не находите?

– Нет. Раз уж на то пошло, выскажусь и я, если позволите, – взорвался Джек. – Мы действительно пришли к процветанию исключительно благодаря нашему особому, американскому образу жизни, сложившемуся как раз под влиянием этих ваших «европейских собратьев». Это ведь они пытались вырезать целое поколение наших дедов в Варфоломеевские ночи. Это они преследовали, выдавливали, гнали наших отцов-пилигримов на край света, до самой границы прерий и Дикого Запада. Это они, уже изгнав их и потеряв цвет своих наций, начали устраивать мировые боины для того чтобы в очередной раз перекроить географические карты своих бессмысленных государственных образований. Поэтому, если сегодня именно мы учим их, как надо жить, как считать деньги и как ими распоряжаться, так это не более чем разумный итог подведения фатального баланса по всем счетам. Мы умеем работать, копить и инвестировать, как никто другой. Гений истории с банальной очевидностью демонстрирует, что он на нашей стороне, и это им теперь надо ориентироваться на наши стандарты, а не наоборот, как утверждаете вы. Их ржавые социальные механизмы, кстати, полностью обязанные своим существованием опасному соседству с «красными», нуждаются в радикальном усовершенствовании по американскому образцу. Это им, а не нам, пора расстаться с прошлым и попытаться догнать нас, шагнув, наконец, в двадцать первый век.

Джеймс оторопело смотрел на своего собеседника. Его вилка застыла в воздухе, на полпути между тарелкой и открытым ртом.

– Кстати, что это вы едите такое? – выпустив пар, как ни в чём не бывало, поинтересовался Джек.

– Мексиканская икра, – сказал Джим, стряхивая невольную озадаченность. – Вот попробуйте. Хорошо сочетается с шипучкой.

– Нет, я по утрам не пью, – отказался Джек. – А вот икры попробую с удовольствием.

Джим, слегка поморщившись, допил свою каву и пододвинул поближе к Джейкобу голубую керамическую миску с белёсой зернистой россыпью. Джек собрал вилок «икру» в тортлию, свернул её и надкусил. Вкус действительно был необычным и довольно приятным, маслянистым с горчинкой. Прожёвывая еду, он что-то довольно промышчал.

– Это аксайякатль – яйца болотных личинок, – с готовностью пояснил Джим.

Джек едва подавил рвотный рефлекс. Схватив со стола салфетку порывистым движением, он судорожно прижал её ко рту. В горле стоял ком.

– Вы уж предупреждайте, дружище, – попросил он, комкая салфетку, в которую сплюнул содержимое.

– Замётано, старина, – довольно хохотнул Джим, с хрустом прожёвывая засахаренных насекомых. – Приходите сегодня на ужин, и я вас познакомлю с традиционными блюдами. Никаких сюрпризов, чистый текс-мекс⁸.

– Хорошо, договорились, – поколебавшись, согласился Джек. – Пока же, я наведуся к нашему общему другу Санчесу.

– Передавайте поклон, – сказал Джим и нетерпеливо махнул официанту, красноречиво указывая тому на свой пустой бокал.

3.

Назойливый звонок скрежетал, царапал и ранил нежную ткань утреннего сна. Наощупь добравшись до видеодомофона и с трудом разлепив веки, Янина с удивлением узнала на экране угрюмое лицо Нила Тейта. Бульдожья челюсть, неизменная жевательная резинка, бесцветный буравящий взгляд из-под тонких стёкол очков с прогрессивными линзами.

⁸ Техасско-мексиканская кухня.

– О, господи, Нил, привет, – сказала она в микрофон хрипловатым спросонья голосом. – Проходи. Я что-нибудь накину и спущусь.

Нил важно кивнул ей с экрана. Янина ткнула пальцем в зелёную кнопку, сигнал побежал по контактам и разноцветным проводкам, нержавеющей цилиндрические шпонки скользнули в безопасные пазы, блокировка входной двери отключилась. Накинув коротенький розовый халатик поверх прозрачного кружевного пеньюара, Янина спустилась по лестнице. Нил, по-хозяйски порывшись в холодильнике, уже плеснул себе в стакан апельсинового сока и расхаживал по гостиной, отпивая холодный напиток мелкими глотками и внимательно изучая развешанные по стенам полноцветные снимки в рамочках. Панорама проспектов Бухареста и фронтальный ракурс Дворца парламента, соседствовали здесь с видами лазурного моря и песчаных пляжей Мамаи. На самом верш гордо красовался коллективный снимок женской сборной Клуза по волейболу U-16. В центре, лучезарно улыбаясь, стояла Янина с капитанской повязкой на рукаве, гордо сжимая в руках какой-то региональный трофей.

– Доброе утро, Нил, – приветливо пропела она, завязывая пояс на ходу и проходя в совмещённую кухню. – Поставить кофе?

– Доброе, Янина, не откажусь, – лаконично отозвался Нил.

– Как Джессика, дети? – вежливо поинтересовалась Янина, начиная возиться с буфетом и кофеваркой.

– Всё окей, спасибо.

Нил остановился перед свадебной фотографией из церкви в Беверли-Хиллс и теперь, казалось, внимательно изучал лица всех гостей, присутствовавших на церемонии.

– Кстати, всё хотел спросить, кто ты по вероисповеданию?

– Православная христианка, – ответила Янина, залив воду в термоблок кофеварки и поставив её в рабочий режим. – А что?

– Как же получилось, что вы венчались в пресвитерианском приходе? Родители Джека – потомственные католики, оба.

– Ну, я не знаю, – неуверенно сказала Янина, откинув волосы назад и удобно устраиваясь в кресле. – Джеку неохота было устраивать католическую церемонию. Он вроде бы говорил, что та церковь более современная.

– Понимаю – Нил кивнул. Ответ его, судя по всему вполне удовлетворил. – Джек молодец, он настоящий патриот своей страны. Надеюсь, то же самое всегда можно будет сказать обо всей вашей семье.

Янина неспешно откинулась на спинку мягкого кресла и закинула одну длинную ногу на другую. По мере капельного заполнения фильтр-кофеварки, по комнате исподволь расплылся крепкий аромат отборных зёрен американского помола. Янина накручивая длинный рыжий локон на палец, выжидающе смотрела на Нила. Он извлёк из кармана свой громоздкий смартфон, ввёл код, и медленно приблизился к Янине.

– Ты знаешь этого человека, Янина?

Чуть привстав, чтобы лучше рассмотреть изображение на дисплее, Янина невольно отпрянула назад. Внутри захолонуло от неожиданности и испуга. Тот самый парень из ремонтной мастерской. Нил внимательно наблюдал за ней. Когда она подняла на него глаза, её взгляд уже успел принять хорошо знакомое ему затравленное выражение.

– Этот человек – хладнокровный убийца, Янина, враг нашей страны. Ты его знаешь?

Он молча наблюдал за тем, как её глаза увлажнились, стремительно поблёскивая всеми оттенками умоляющего вида. Она неуверенно покачала головой. Но по спине её колко разбегались пронырливые мурашки, потому что на неё вдруг скопом нахлынули пронзительные воспоминания о стальных объятиях того безымянного парня, о его жарких поцелуях в шею и грудь, о резком и пряном запахе его тела.

– Хорошо, я сформулирую свой вопрос иначе, Янина, – безжалостно отчеканил Нил. – Ты была на прошлой неделе в мотеле «Каса Бонита» на улице Альварадо?

Она попыталась отвернуться, но Нил взял её пальцем за подбородок и резко поднял лицо. Она закрыла глаза. Внезапно, он наклонился к ней и буквально впился в её рот своим. Янина, неожиданно для самой себя, ответила на поцелуй. У неё были пухлые податливые губы. Её руки сами потянулись к ремню Нила.

4.

В этот раз, Джейкоб, вняв настоятельным рекомендациям Джима, облачился перед выездом в бронежилет и кевларовый шлем. Основательно приладил на пояс кобуру, которую обычно носил под пиджаком. Попрыгал перед зеркалом – ощущения были вполне комфортные, он боялся, что будет более скован в движениях. Спускаясь на лифте и дожидаясь автомобиля у входа, он отметил про себя, что его внешний вид абсолютно никого из окружающих не смущает, не привлекает ничьего внимания. Консьержи так же, как ни в чём не бывало, подобострастно здоровались на английском, швейцар так же почтительно придерживал распахнутую входную дверь. На улицах этого города такой защитный наряд, видимо, был обычным явлением, даже вызывал одобрение.

Между тем, улицы Хуареса ничем не отличались от улиц любого заштатного американского городка – те же вывески, магазины, семафоры. По тротуарам уже деловито сновали прохожие, явно спешившие на работу – в мировой столице убийств, как это ни странно, существовало легальное трудоустройство, обычный распорядок рабочего дня, повседневные заботы. Хозяин лавчонки мелких товаров, подняв алюминиевые рольставни, усиленно надраивал полы у входа. Пожилая сеньора в уютной булочной расплачивалась за круассаны и выпечку с улыбочивым пекарем. Стайка школьников с разноцветными рюкзаками перебежала дорогу в неподобающем месте. Проезжая по городу на заднем пассажирском сиденье, Джек поймал себя на мысли, что после рассказов Джима уже несколько иначе воспринимает окружающую его действительность. Он тут и там подмечал теперь пулевые отверстия в дорожных знаках, отбитые кусочки кирпича на углах домов, угрюмые взгляды исподлобья, незамысловатые тексты граффити в диапазоне от «смерти врагам» до призывов «хватит убийств».

Современное здание полицейского управления так и сверкало на солнце армированным стеклом и белыми панелями обшивки. Ни на кого не глядя, Джек прошёл через вращающиеся двери, взбежал по лестнице и уверенно прошествовал в кабинет начальника. В приёмной несколько офицеров в тёмно-синих униформах и в камуфляже дожидалось своей очереди. Коротко бросив привычное «ФБР» печатавшему рапорты секретарю, Джек рывком потянул на себя массивную, обитую истёршейся кожей дверь и, войдя, тщательно закрыл её за собой. Нырнув в полумрак, царивший в офисе, он огляделся. Всё как в прошлый раз: вымпелы, портреты Порфирио Диаса и Фелипе Касеролы на стенах («лоялист не признаёт нового президента, или не успел сменить?», подумал Джек), только окна в этот раз были наглухо зашторены. Джек не сразу разглядел полковника Санчеса. Тот, обречённо вперившись в один из двух плазменных мониторов, из-за которых едва видно было его лысеющую макушку, увлечённо смотрел какой-то видеофайл. Наконец, с неохотой оторвавшись от экрана, он смерил вторгшегося Джека взглядом, узнал его и кивнул. Когда Джек подошёл поближе, Санчес усталым жестом ткнул в монитор и проговорил на своём ломаном английском:

– Ваш подопечный вступил в вооружённое столкновение с мексиканской федеральной полицией и морской пехотой. Сдаётся мне, мы вполне можем увидеть его смерть в прямом эфире. – И слегка помедлив, добавил, – В этом случае мы сможем снять наружное наблюдение с дома Гутьересов, не так ли?

Ничего не отвечая, Джек впился взглядом в полыхающий виртуальным заревом экран. На прямую связь с полковником вышли по скайпу, очевидно из Мехикали, офицеры принимавшие участие в боевой операции. Трансляция, видимо шла с видеорегистратора, установленного в одной из полицейских машин. Видны были такие же кофейные домишки как здесь, между которыми велась очень интенсивная стрельба из автоматического оружия. Постоянно раздавались отрывистые команды на испанском, неразборчивые крики, завывали сигнальные ракеты, взрывались световые гранаты, заглушали друг друга автоматные очереди с разных концов. Далеко на заднем фоне полыхал грузовик. Джек перевёл вопросительный взгляд с экрана на Санчеса.

– Размалёванные⁹ с утра устроили акцию, – пояснил полковник. – Один «пontiак» и один внедорожник «Чероки». Гоняют по улицам, палят во всех, кто одет в униформу, угнали два бензовоза, перегородили ими федеральную трассу под мостом и подожгли. На выезде из города образовалась гигантская пробка. Магазины и образовательные учреждения закрыты, банки взяты в оцепление. Армия направила в район перестрелки вертолёт, так бандиты попытались его сбить из «стингера».

– Ничего себе, – Джек присвистнул. – На них неожиданно напал приступ амока? Или всё же есть разумное объяснение?

Полковник Санчес откинулся в кресле и задумчиво поскрёб щёку, заросшую пегой щетиной, рассматривая непрошеного американского гостя. Это был грузный пожилой увалень, давно уставший тянуть ляжку. Ему не хотелось конфликтовать с агентом ФБР, но он был бы счастлив, если бы тот провалился в тартарары сию же секунду.

– Основная версия – протест против ареста Кальехоса, одного из лейтенантов Прибрежного картеля, – наконец пояснил он. – Его взяли в Мехико с оружием и наркотиками и перевели в Мехикали. Рассматривается вопрос его экстрадиции в Соединённые Штаты.

– Понимаю. – Джек кивнул. Помедлив, он добавил, – И всё же надеюсь, что подозреваемый Гутьерес доберётся до Хуареса целым и невредимым, несмотря ни на что. И на вашем месте я надеялся бы на то же самое. Это дело чрезвычайной государственной важности. Он должен вывести нас на крупную террористическую структуру. Попрошу вас даже гипотетически не рассматривать возможность снятия наружного наблюдения с дома его родственников.

Но говоря всё это, Джек невольно травил свою совесть той тихо скребущейся мыслью, что на самом деле в глубине души он сам тоже надеется, что Пако там пристрелят. Прежде всего, это открывало бы перед ним возможность скорее вернуться к Янине, оказаться рядом с ней, в тёплой постели. Он ничего не мог с этим поделать – желание превратилось в физическую потребность. Временами эта жажда заарканенной плоти захлёстывала всё его существо, заглушая чувство служебного долга. Но к концу того дня армия с полицией отступили – как это часто случалось на границе, страх за собственные семьи не позволял солдатам и рядовым полицейским идти в таких зачистках до конца. По большей части, они просто дежурно отстреливались.

Остаток дня он провёл в участке, изучая доступные в электронном архиве копии документов кое-как в разное время накарябанных неизвестными служаками на английском. Санчес освободил для Джека кабинет напротив, временно выселив своего заместителя. Секретарь по его поручению собрал пакет испанской документации по связям БП-13 с Прибрежным картелем и направил его на срочный перевод. Если основная версия сегодняшних событий в Мехикали вдруг окажется верной, она сулила ряд зацепок, позволяющих хотя бы прошить разрозненные заметки формирующегося файла в некое подобие рабочей версии. Джек невольно углубился в хронику преступной жизни города, которая казалась более понятной и объясни-

⁹ Tatuados (исп.) – принятое среди мексиканских полицейских презрительное название членов уличных банд, из-за обильных татуировок, которыми те покрывают свои тела и лица.

мой благодаря рассказам Джима Боша. Он чувствовал, что начинает нащупывать внутреннюю логику процесса будничных убийств, совершаемых с хладнокровием поденщиков, отрабатывающих съеденный хлеб.

За изучением досье прошлых лет, Джек не заметил, как пролетел рабочий день. Вспомнив, что они условились поужинать с Джимом Бошем, он вызвал машину, которую подали без промедления. Смуглый шофёр в полицейской униформе выскочил при его приближении, чтобы открыть заднюю дверь и, возвращаясь на водительское место, предупредительно закрепил на крыше синюю мигалку. На обратном пути улицы выглядели совершенно иначе, чем утром. Редкие прохожие нервно спешили, поминутно оглядываясь, словно бы боялись опоздать в ненадёжные укрытия своих хибар до наступления темноты. Парадные запирались. Ставни захлопывались. Дыхание пустых подворотен отдавало подавленными страхами. Закат в безоблачном небе окрашивал в густой зловещий багрянец возвышавшуюся над Хуаресом гору Франклина, итак красноватую как терракота при дневном свете. Гигантская надпись «В Библии истина. Читай её», выложенная белыми камнями на склоне, воспринималась как предостерегающий призыв, выведенный кровью тысяч невинных жертв местных улиц. Вечернее подсознание подсказывало: «пока не поздно».

Пятая глава.

СТАРЫЙ ДЖИМ ВСПОМИНАЕТ (2)

Альманегру подняли на ножи в одной из тюремных камер Каракаса, уже после того как он узнал, что перебиты все его сыновья, порублены на куски трое местных поделщиков, адвокат. Но это было только начало. Пинья подбирался к семье «Крёстного отца», истинного виновника своего горя.

В один из сентябрьских дней девяносто второго, в дом матери Мигеля Фуэрте, расположенный в одном из респектабельных районов Мехико, постучались люди одетые в форму федеральной судебной полиции. Мать Фуэрте без колебанийпустила их внутрь, потому что, как ей показалось, она видела раньше командира группы в обществе сына. Это был «Кучерявый» Педро из Главного управления по борьбе с наркотиками. В прошлом «Кучерявый» действительно работал на Фуэрте и регулярно получал от него солидные взятки за информацию и содействие. Но в тот момент, когда Педро нагрянул к матери своего бывшего спонсора, он был уже обручен с младшей сестрой Пиньи, той самой которую Альманегра ранее бросил ради его жены. В доме сеньоры Фуэрте собрались в тот день на званый обед её дети, внуки, близкие, семейные адвокаты. Во время обыска на всех мужчин надели наручники, а всех женщин заперли в материнской спальне. Полицейские, покуривая марихуану, перевернули всё в доме вверх дном и, судя по всему, нашли, что искали. Были изъяты учредительные документы фиктивных фирм клана Фуэрте, кредитные карты, наличные, золотые слитки, ювелирные изделия. В числе прочего люди Пиньи похитили акции гостиничного комплекса Акапулько на сумму тринадцать миллионов долларов, оформленные на мать Мигеля Фуэрте, которые позже были выставлены на бирже. Когда шум, устроенный полицейскими при «обыске», затих, и дамы смогли освободиться, в доме никого кроме них не было. Трупы всех девяти «арестованных» мужчин были найдены сутки спустя, выложенные рядом вдоль гравийной обочины перед въездом в один из пригородов Мехико. Получается, что женщин Пинья пощадил.

На самом деле Пинья и Монтес финансировали и тайно координировали эту операцию совместно с Центральным картелем. Некто «Апрель» Гонсалес, помощник Торреса, от имени и по поручению «Лётчика» работал тогда непосредственным контакте с Прибрежным картелем. Позже он полностью перейдёт на их сторону. Но тогда об этом никто ещё не догадывался. Все думали, что это была личная месть Пиньи за жену и детей.

Возможно, именно для того чтобы поддержать это впечатление Монтес выслал своего близкого друга Армандо Диаса, в качестве парламентаря, в Тихуану. По сей день неизвестно хотел ли он договориться о каких-то уступках, вроде нового компромиссного передела приграничных рынков, или наоборот поставить перед братьями какие-то условия. На сегодня очевидно лишь то, что он действительно собирался просто потолковать с братьями и никаких агрессивных намерений не имел. Он заявился на семейное торжество «Живчика» Пабло с подругой, изрядно навеселе, но без оружия. Возможно, сам выбор парламентаря был неудачен. Ходят слухи, что Армандо вроде бы чем-то обидел одну из сестёр Фуэрте, однако мы не знаем, правда ли это, да и не суть. Горилла пристрелил и Диаса, и его подружку на пороге. Как если бы этого было мало, он немедленно разослал по штату своих молодчиков с приказом убивать родню Диаса везде, где таковая будет обнаружена, якобы во избежание кровной мести. Приказ был выполнен, застрелили младшего брата Диаса, мирного студента, и его престарелого отца. Гораздо больше это походило на акцию устрашения, своеобразный предупредительный сигнал Монтесу – не лезь не в своё дело, не то будет хуже. Как если бы таких людей можно было пронять подобными вещами. Видите, Джек, братья Фуэрте наживали себе врагов просто играючи.

Тем временем, в Тихуане сменился шеф судебной полиции. И на семью Фуэрте неожиданно посыпались неприятности. Начались повальные конфискации их грузов то по одну, то

по другую сторону границы. Массовые аресты курьеров привели к тому, что некоторые из них начали давать признательные показания в письменном виде. В городском управлении скопилось многотомное собрание компромата на семью, о чём Фуэрте было хорошо известно. Первым прозрел Пабло. Оказывается, пока братья Фуэрте прикармливали у себя армию непутёвых отпрысков состоятельных семей, Монтес потихоньку, но весьма щедро финансировал все избирательные кампании правящей партии, от губернаторских до президентских. Так, постепенно, он перекупил всю клиентуру «Крёстного» в политических кругах и среди высших чинов федеральной полиции. Опомнившись, Живчик обратился за помощью к третьей стороне, в Центральный картель, и «Апрель» с готовностью вызвался выступить в качестве посредника. Монтес согласился на переговоры о перемирии, правда, не без условий: присутствовать смогут только два человека из Тихуаны, из которых в дом заходит один, без оружия. К тому времени, они с Пиньей уже практически подмяли под себя всю Сонору. В изобретательности им не откажешь – они первыми начали рыть в пустыне и оснащать всем необходимым подземные тоннели. По сети этих тоннелей в Аризону потекли стремительно растущие потоки наркотиков и ползучие вереницы нелегальных иммигрантов, а из Штатов обратно – мешки незадекларированной наличности в мелких купюрах и скорострельное оружие. Тем не менее, братья Фуэрте накрепко держали остававшуюся за ними территорию, и делить её ни с кем не собирались ни при каких обстоятельствах. Например, одной вольной птице по имени дон Риго, независимому контрабандисту со старых времён, знававшему их дядю, братья ничтоже сумняшеся подрезали крылышки, засунув его руки в молотилку. Обрубив кисти, ему прижгли раны и отправили в городскую больницу. Понимаете, они намеренно оставили его в живых на время, в назидание всему остальному населению штата. Потом его всё равно застрелили.

Так вот, значит, Пабло у нас в тот раз выехал в Кулиакан, на территорию Прибрежного картеля, где у Апреля имелся свой дом. Туда же прибыл Монтес с телохранителями. Перед входом Живчика тщательно обыскали. «Лангуст» остался снаружи. Саммит картелей состоялся. Судя по всему, посоветовавшись, стороны договорились о мире, потому что Живчик, по имеющейся у нас информации, позвонил Лысому Панчо и сказал: «вопрос исчерпан, всё под контролем. Скажи Горилле, чтобы не трогал людей Монтесумы». Однако не успел он сам вернуться домой, в Тихуану, как городская судебная полиция арестовала тридцать человек из «основы» Западного картеля. Выходит, Монтес над ним просто потешался, вдобавок ещё и, поди, чего-нибудь выведаль за дарма на той встрече. Так их и водили за нос до поры до времени. Разъярённый Живчик снова вышел на Апреля. Тот его внимательно выслушал, деланно возмущился и пообещал, что на этот раз скормит ему Монтеса с потрохами, надо лишь организовать новую встречу у него дома. Братья купились на его двойную игру. Хуан, главный палач из Тихуаны, пытался проникнуть на ту встречу с заряженным пистолетом, но его остановили у чёрного хода в дом боевики из Прибрежного картеля, предупреждённые самим Апрелем. Вы спросите, почему Монтесума сам не избавился от Гориллы или Живчика на одной из таких встреч? Цена была бы слишком дорогой, как впоследствии и выяснилось. Я убеждён, что Монтес всеми силами старался избежать той войны, что разгорелась позже. Его интересовал только бизнес, ничего личного, в отличие от Пиньи. Между тем, кольцо вокруг братьев Фуэрте продолжало сжиматься. Большинство поставок кокаина и марихуаны теперь попадало напрямую в спецхраны УБН на нашей стороне границы. За членами Западного картеля открыто следили. Семья несла крупные убытки и беспокоилась о своём будущем. Видимо, уже тогда Монтес оборудовал собственный тоннель на Сан Диего, под носом у братьев Фуэрте, и те, как минимум, должны были подозревать о его существовании. Экспорт и сбыт продукции через тот тоннель осуществлялись беспрепятственно, в связи с чем Западный картель стремительно терял значительные доли рынка. Семейный бюджет таял. Вдобавок Апрель лично «увёл» один из самолётов Фуэрте с двумя тоннами груза и, уже не скрываясь, присвоил себе всю выручку. Живчик решил проявить инициативу и пойти на мировую. Для этого он созвал новую встречу

с Монтесом и Априлем на нейтральной земле, в столице. Те согласились раскидать всё полюбовно, правда, вроде бы заблаговременно организовали засаду на пути из аэропорта Мехико к месту встречи. Пабло на всякий случай предварительно отправил перед собой разведчицу на такси. Девушка вернулась спустя четверть часа и сообщила, что на выезде из аэропорта дежурит несколько машин с номерами Прибрежного штата, под завязку забитых малопривлекательными людьми. Может быть, девушке всё это показалось? Никто не знает. Засада, мнимая или реальная, была обнаружена. Братья поверили ей, развернулись и вылетели обратно в Тихуану тем же бортом, на котором прибыли. Встреча не состоялась. Монтес понял, что война неизбежна и залёг на дно. Братья Фуэрте открыто объявили по своим каналам о выплате крупного денежного вознаграждения за информацию о его местонахождении. Через месяц объявились доброжелатели из полиции Халиско, сообщившие им, что Монтес обосновался в Гвадалахаре. По адресу, который братьям «слили» их новые информаторы, опять отправился Горилла с парой верных людей. Не откладывая дела в долгий ящик, они сразу после прибытия направились в указанный особняк, выставили дверь, ворвались внутрь, но там было пусто. Кто знает, не получили ли тогда хитрые полицейские из Халиско вознаграждения от обеих сторон? В гуманных целях, разумеется, кто бы сомневался, во избежание ненужного кровопролития. Как бы то ни было, в ходе взаимной охоты врагам причудливым образом несколько раз удавалось весьма оперативно узнавать о планах друг друга. В тот раз тихуанцы остановились в одном из отелей Гвадалахары и организовали круглосуточную слежку за домом. Упорство Гориллы принесло плоды. Когда через неделю у дома, наконец, появилась машина, наблюдатель признал в водителе Монтеса. Тихуанцы успели как раз добраться до места, когда Монтес, встревоженный следами взлома, уже вновь выезжал из ворот, спеша скрыться с того места. Началось тайное преследование по улицам города. Как только водитель Гориллы смог поравняться с преследуемой машиной у светофора, все трое открыли шквальный огонь из окон. Их автоматы были заряжены бронебойными патронами, но им удалось лишь ранить Монтеса – осознав, что происходит, он вдавил педаль газа в пол и смог оторваться от преследователей на северной окраине города.

Когда Горилла, не солоно хлебавши, вернулся домой, стало известно, что пограничники арестовали Пинью, потерпевшего авиакатастрофу и чудом выжившего в пустыне. С ним случилось, то, чего все наркобароны Латинской Америки боятся чуть ли не больше смерти – его экстрадировали в США. Прощай навеки, власть и могущество. Братья Фуэрте закатили по этому поводу грандиозную вечеринку на своей дискотеке «У Фрэнки» под Тихуаной. Казалось, что дело оставалось за малым. Но не тут-то было. На дискотеку заявился целый отряд бойцов Прибрежного картеля, переодетых в полицейскую форму. Они открыли беспорядочный огонь из автоматов Калашникова прямо на танцполе, с ходу положив, как минимум, дюжину человек. Ни одного настоящего полицейского, кстати, на тот момент в окрестностях не было, все заблаговременно исчезли под разными предлогами. Только «Косой» Луис, личный телохранитель Пабло, не растерялся и смог открыть ответный огонь из-за барной стойки, отвлекая внимание нападавших на себя, пока Пабло с Гориллой отползали среди трупов в сторону аварийного выхода. Он ни в кого не попал, недаром видать «Косым» его звали, но в итоге, все трое смогли запереться в туалете и выбраться на крышу по вентиляционным трубам. Больше всех попотеть при этом пришлось грузному Хуану. Он еле спасся. Мстить он решил немедленно и жестоко. Игра в кошки-мышки продолжилась. На этот раз Горилла отправился в Гвадалахару тоже во главе целого отряда боевиков Западного картеля. Было не до шуток, все это понимали, включая информаторов. Получив от своих источников в местной полиции необходимые сведения, Горилла организовал адресную облаву. Попался один из шуринов Монтеса. Перед смертью он выдал под пытками засекреченные адреса проживания других членов семьи. Тихуанцы разбились на две группы и продолжили облаву. Но вышло так, что как раз в тот момент, когда люди Гориллы обложили ещё один дом с родней Монтеса, вторая группа, под командованием Лысого

Панчо, попала в окружение на его загородном ранчо. Всех их разоружили и связали. Очередная проделка хитрецов из Халиско? Монтес связался с Гориллой, и, в результате телефонных переговоров, состоялся обмен пленными, после чего отряд Западного картеля вынужденно покинул пределы Гвадалахары. Братья собрали очередной военный совет. До меня дошёл вольный протокол этого любопытного совещания, предопределившего дальнейший ход событий. Горилла открыл встречу, горько сетуя на посредственную боеспособность тихуанских «мажоров», которые позволили себя разоружить вместо того, чтобы дать бой окружившей их банде Монтеса. Дошло до того, что он обвинил Пабло в полном провале его долгосрочной стратегии по развитию картеля. «Как ты их выбираешь, что тобой движет? Обоснуй-ка, ну-ка», обратился он к брату. Тот лишь пожал плечами и риторически поинтересовался, знает ли Горилла, где обретается иной человеческий материал, более пригодный для дела семьи. Получив, отрицательный ответ, он сообщил, в качестве информации для размышления, что «Косой» Луис, бежавший из Штатов, раньше «мотался» на «Тридцатой улице», по его словам, то есть, говоря человеческим языком, состоял в одной из уличных банд Сан-Диего. Луис предложил подключить «пацанов с Тридцатки», то бишь своих бывших дружков «с района» к войне против Прибрежного картеля. «Чем не идея», хором отозвался семейный совет. Согласился и Горилла, что мысль неплохая. Представляю себе, как ваши старшие коллеги из отдела по уличным бандам были изумлены в тот год, когда гопники с «Тридцатой улицы» косяком добровольно потянулись в Мексику, без всяких принудительных депортаций. Горилла выкупил ранчо в окрестностях Тихуаны и организовал там тренировочный лагерь. Западный картель готовился к самой настоящей войне. «Косой» отбирал самых пригодных, физически крепких парней без вредных привычек. При переезде в Мексику, на ранчо, кандидаты добровольно одевали мешки на головы, чтобы не видеть и не знать, куда их везут. «Косой» считал, что так они не смогут выдать местоположение базы даже под пытками. На ранчо они занимались физической подготовкой, стрельбой из М-60, АК-47, «Узи» и 12-миллиметровых пистолетов, метанием гранат и обращением с взрывчаткой под руководством опытных инструкторов, ветеранов движения «контрас». Их учили как вести стрельбу на ходу, как покидать транспортное средство и укрываться за ним, как избегать попадания под перекрёстный огонь. Из тех, кто прошёл подготовку набирали бригады, в чьи обязанности входило патрулирование Тихуаны и её окрестностей. Их машины были оснащены радиосвязью с собственной частотой, сиренами и мигалками. И уж, конечно, они стреляли на поражение, если база данных выдавала присутствие людей Прибрежного картеля. Даже полиция опасалась вступать с ними в перестрелки и избегала вмешательства в их охранную деятельность и патрулирование. Представляете, что должны были чувствовать эти ребята из гетто, когда они начинали работать на multimиллионеров с их неисчерпаемыми финансовыми возможностями? Это должно было быть чувство непомерной гордыни, помноженное на врождённую агрессию и опасную вседозволенность. Если раньше бандиты сводили счёты на задворках при помощи кастетов, ножей, или, максимум, мелкокалиберных пистолетов, то теперь на улицы пришла тяжёлая артиллерия. Группы стрелков в балаклавах, без разбора поливающих главные проспекты очередями из автоматического оружия превратились из ночного кошмара Мексики в часть повседневной реальности нашего континента. Вскоре подоспел первый крупный заказ. Молодёжь с «Тридцатки», обученная на ранчо, отправилась в курортный Канкун. Там в обстановке роскоши отдыхал в окружении пятнадцати членов своей семьи некто «Дракон» Рамирес, один из хозяев Центрального картеля. Для своей семьи и многочисленной охраны Рамирес снимал несколько апартаментов премиум-класса в «Хайятте». Но все эти затраты не уберегли его от расправы. Он с семьёй возвращался с обзорного тура в подводной лодке, в сопровождении охраны, когда прямо на пристань выехало два внедорожника, из которых выскочили, открыв огонь, головорезы с «Тридцатки». Сам Рамирес был убит вместе со «случайной прохожей» гражданкой США. Жена с одиннадцатилетним сыном были ранены, но выжили. Случайная жертва, кстати, на самом деле была штатным агентом УБН и

всюду сопровождала Рамиреса. Он уже с полгода как передавал нам информацию о контрабандных операциях картелей и дожидался завершения процедуры включения в госпрограмму защиты свидетелей. До сих пор неизвестно, знали ли об этом картели. Трех из автоматчиков удалось арестовать и посадить. Четвёртый получил от братьев премию в размере двадцати тысяч долларов. Неслыханная сумма для этих бродяг. Представляете теперь, что стало вершиной амбиций среднего жителя Тридцатой улицы из Сан Диего? Страной возможностей и «американской мечты» для местных люмпенов стала Мексика. Всё наоборот. Видите ли, если сравнивать уличных бандитов с братьями Фуэрте, то менталитет у них, несомненно, одинаковый. Разница только в финансовых возможностях и общественных привилегиях. Впрочем, первые практически всегда проистекают из последних. Основоположники первоначальных династических капиталов обычно не просто оказываются в нужном месте в нужное время. Как правило, им предшествует несколько поколений толкотни локтями и хождения по головам ближних. Поэтому такие как «Косой» Луис с «Тридцатки» всегда будут работать на таких как братья Фуэрте, служить для них пушечным мясом. «Тридцатка» зародилась как невинный клуб автомобилистов, этаких любителей покататься по округе на тарахтящих маслках со сверхмощными двигателями. Несколько столкновений со сторонниками глушителей моторов и поборниками тишины в чужих районах и соседних городках, там и здесь, превратили безобидных иммигрантов в злобную уличную банду. Ближе к восьмидесятым, когда они начали завозить из Лос-Анджелеса фенциклидин целыми канистрами и превратили местный Мемориальный парк под транспортной развязкой в круглосуточный рынок на открытом воздухе, их можно было уже считать небольшим подпольным предприятием, этаким картелем в миниатюре. Ставки существенно возросли, когда местные бандиты начали работать штатными киллерами у братьев Фуэрте, впитывая в свой понятийный аппарат психологию тотальной городской герильи. Ведь те из них, кто возвращается домой, становятся героями района, его легендой, не забывайте об этом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.